

УДК 343.37

П. С. Берзин,

докт. юрид. наук, проф. кафедри
уголовного права и криминологии
юридического факультета Киевского
национального университета
имени Тараса Шевченко

**ХАРЬКОВСКАЯ ШКОЛА УГОЛОВНОГО ПРАВА:
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАЗВИТИЯ В 1804–1919 ГОДАХ И
АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ УГОЛОВНОГО
ПРАВА В ИМПЕРАТОРСКОМ ХАРЬКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
НА ПРОТЯЖЕНИИ 1804–1834 ГОДОВ
(ЧАСТЬ II)**

Автор анализирует формирование и основные направления науки уголовного права в Императорском Харьковском университете (1804–1919). Исследуются научная деятельность и виды такой деятельности преподавателей уголовно-правовых дисциплин в этом университете. В статье также анализируется деятельность различных университетских кафедр, называвшихся: кафедрой прав гражданского и уголовного судопроизводства в Российской империи (1804–1835); кафедрой законов полицейских и уголовных (1835–1863); кафедрой уголовного права и уголовного судопроизводства и судопроизводства (1863–1919).

Ключевые слова: уголовное право, научная школа, Харьковский университет, преподаватели, правопонимание.

**Раздел 2. ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ
В ОБЛАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
ИМПЕРАТОРСКОГО ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ (1804–1834)**

Вводные замечания. В этом разделе речь пойдет о так называемой «предыстории»¹ формирования и развития знаний у представителей уголовно-правовой науки на ее первом этапе (1804–1834) в Харьковском универси-

¹ В данном случае термин «предыстория» употребляется для обозначения того, «что предшествует определенному периоду, явлению, событию и т. д.; того, что опережает появление кого-, чего-нибудь // Древняя история кого-, чего-нибудь» (см.: Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод., допов. та CD) / Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – К.; Ірпінь : ВТФ «Перун», 2007. – 1736 с. – С. 908) и является общеупотребительным в исторической науке в различных словосочетаниях. Например, словосочетание «предыстория науки» обозначает то, «когда происходило возникновение и накопление знаний ..., возникали отдельные учения» и используется для определения этапов предыстории – эпохи ранних цивилизаций, Античности, Средних веков, Возрождения, Просвещения и т. д. (см.: Павленко Ю. В. Предыстория науки в контексте естественно-научных идей В. И. Вернадского / Павленко Ю. В., Храмов Ю. А. // Наука та наукознавство. Міжнародний науковий журнал. – 2012. – № 3(77). – С. 29–46. – С. 29, 46).

тете. По-суті, основне внимание здесь уделяется общей (обобщенной) характеристике предпосылок формирования и развития основных направлений понимания уголовного права под влиянием немецкой классической философии, английских и французских просветителей XVIII – начала XIX веков. Наличие уже сформированных (нескольких) направлений понимания уголовного права, зависящих в то время от правопонимания вообще, как раз и позволяет сделать вывод о функционировании в Харьковском университете самостоятельной научной школы.

Являясь сторонником подхода о том, что одним из оснований выделения научных школ в уголовном праве могут признаваться определенные направления научных исследований и/или их сочетание связанные с правопониманием (направления правопонимания), вынужден признать необходимость описания происхождения таких направлений и существующих в их пределах научных взглядов первоочередной задачей характеристики таких научных школ². Причем важно разобраться в истоках происхождения взглядов ученых, представляющих эти направления правопонимания. Иначе обосновать наличие преемственности подходов представителями различных поколений одного или нескольких направлений в науке, на мой взгляд, невозможно. Поэтому вызывает, по крайней мере, некоторое удивление признание существования конкретной научной школы с момента начала таких исследований учеными в новообразованных учебных заведениях без обоснования ими наличия указанных направлений как сформировавшихся и характеристики преемственности взглядов ученых-криминалистов. Например, в литературе встречается утверждение, согласно которому научная школа уголовного права в Харькове была основана с момента начала функционирования в 1805 г. университета и преподавания в нем уголовного права: «... особое ме-

² Берзін П. С. Київська школа кримінального права (1834–1960 роки): історико-правове дослідження : монографія. – 2-ге вид., переробл. і доповн. – К. : ВД «Дакор», 2013. – С. 43–66. Об особенностях других подходов понимания научной школы и направления в юридической науке (в том числе в зависимости от конкретных отраслей) см.: Бондарук Т. І. Наукознавчі категорії «школа», «напрямок», «концепція», «течія» в юридичній науці // Часопис Київського університету права. – 2010. – № 4. – С. 15–20.

сто занимают представители харьковской школы уголовного права, основанной вместе с созданием нашего университета. В 1804 г. императором Александром I был подписан устав Харьковского Императорского университета, первого высшего учебного заведения Украины, составной частью которого было отделение моральных и политических наук. Начиная с 1805 г., в составе отделения функционировала кафедра прав гражданского и уголовного судопроизводства в Российской империи. Именно с этого момента началось преподавание уголовного права в университете»³.

В связи с этим, рассматривая «состояние» науки уголовного права в отделении нравственных и политических наук Харьковского университета периода 1804–1834 гг., особого внимания требует выяснение двух основных моментов: а) каковы истоки (предпосылки) формирования взглядов на понимание науки уголовного права у преподавателей уголовно-правовых дисциплин в этом учебном заведении указанного периода и б) как такие взгляды повлияли на формирование направлений правопонимания в этой науке.

Научная и преподавательская деятельность И. Ф. Тимковского, Г. П. Успенского, К. Ф. Михайловского, И. Н. Даниловича, А. К. Бабичева, В. Ф. Титарева и К. П. Пауловича, как представителей уголовно-правовой науки, наиболее полно освещалась в исследовании Г. С. Фельдштейна, ставшего основой для ряда современных исследований в этой области. Исходя из выводов указанного ученого, единого направления (течения) деятельность этих исследователей не образовывала. И. Ф. Тимковского, Г. П. Успенского и К. Ф. Михайловского Г. С. Фельдштейн относил к представителям направления историко-догматического исследования в уголовной юриспруденции. Причем Г. П. Успенский считался исследователем «русских юридических древностей», главная заслуга которого состояла в их собирании и обработке. Как пишет Г. С. Фельдштейн, инициатива и «выполнение в законченном ви-

³ См.: Харитоновна Е. Харьковская школа уголовного права / Харитоновна Е., Пономаренко Ю., Тютюгин В. // Право Украины. – 2011. – № 9–10. – С. 265.

де» собирания и обработки юридических древностей относится именно к этому профессору Харьковского университета⁴. В то же время о И. Ф. Тимковском и К. Ф. Михайловском Г. С. Фельдштейн пишет как о криминалистах-историках, которые в своих трудах руководствовались «и традициями исторического изучения права, восходящими еще к концу XVIII в. и унаследованными от А. Поленова и в особенности С. Десницкого», а также разрабатывали уголовное право именно в этом направлении (течении)⁵. Однако исследования А. Я. Поленова и С. Е. Десницкого Г. С. Фельдштейн почему-то отнес не к историко-догматическому, а к историко-сравнительному направлению⁶. Представителем историко-философской школы Г. С. Фельдштейн называет И. Н. Даниловича, который «полагал в основание своего курса уголовного права воззрения Эд. Генке»⁷. К «практикам-исследователям руководства делопроизводства и преподавателям законоискусства» Г. С. Фельдштейн отнес Н. Т. Спасского и А. К. Бабичева, назвав их преемниками практического направления в Московском университете у Н. Н. Сандунова. По словам Фельдштейна, «практическое делопроизводство» было представлено в Харьковском университете именно Спасским и Бабичевым и «является, по самому существу своему, не чем иным, как попыткой привить и в области академического преподавания «популярно-юридические» приемы»⁸. О Н. Т. Спасском Г. С. Фельдштейну было известно то, что именно этого начинающего ученого руководство Харьковского университета направило московскому практику Н. Н. Сандунову так сказать «на выучку». Поэтому вполне логичен вывод Г. С. Фельдштейна: «Из школы Н. Сандунова вышел и Н. Спасский, преподававший до начала 30-х годов в Харьковском университете русское публичное и уголовное право»⁹. Что ка-

⁴ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. – М. : Издательство «Зерцало», 2003. – 542 с. – С. 338.

⁵ Там же. – С. 357, 358.

⁶ Там же. – С. 132–150.

⁷ Там же. – С. 461.

⁸ Там же. – С. 267.

⁹ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. – С. 272.

сается А. К. Бабичева, то данных о его командировании в Московский университет к Н. Н. Сандунову Г. С. Фельдштейн не приводит, но отмечает, что «практическая сторона выдвигалась, по-видимому, на первый план и в преподавании в Харьковском университете – А. К. Бабичева». Лекции Бабичева Фельдштейн называет такими, которые «носили своеобразный оттенок, свидетельствуя о полном отсутствии теоретической школы», а самого ученого – чистым практиком¹⁰. В. Ф. Титарев и К. П. Пауловича Г. С. Фельдштейн считает представителями «уголовно-правовых учений, опирающихся на естественно-правовую доктрину, стремящуюся к преобразованию общественных отношений». Это направление (течение), по словам Фельдштейна, примыкает «к попыткам внесения в естественно-правовые учения поправок, подсказанных стремлением гарантировать от произвола личность преступника, секуляризировать понятия уголовного права, установить круг преступлений без допущения опасного для развития индивидуальности ограничения свободы граждан и проч.». Важно отметить, что в книге Фельдштейна Титарев и Паулович называются единственными представителями указанного направления во всей Российской империи по состоянию до 1863 г.¹¹

Подводя итоги предварительного анализа указанного исследования Г. С. Фельдштейна, которое содержит основные ориентиры научной и преподавательской деятельности «родоначальников» уголовно-правовой науки в Харьковском университете, можно сделать следующие основные *выводы*.

1. Ученый формулирует названия научных направлений и определяет их представителей в зависимости от содержания и особенностей формирования правопонимания вообще и понимания уголовного права в частности, так: а) направление историко-догматического исследования (И. Ф. Тимковский, Г. П. Успенский, К. Ф. Михайловский); б) историко-философское (И. Н. Да-

¹⁰ Там же. – С. 273, 274.

¹¹ Там же. – С. 373.

нилович); в) практическое направление (Н. Т. Спасский, А. К. Бабичев); г) направление естественно-правовое (В. Ф. Титарев, К. П. Паулович).

2. В некоторых случаях Г. С. Фельдштейн указывает на учителей указанных представителей уголовно-правовой науки в Харьковском университете и/или ученых, в духе воззрений которых такие представители формировали свои уголовно-правовые учения:

а) для И. Ф. Тимковского и К. Ф. Михайловского «общим знаменателем» их научных работ служили воззрения А. Я. Поленова и С. Е. Десницкого;

б) учителем Н. Т. Спасского во время его пребывания в Московском университете называется Н. Н. Сандунов;

в) вместе с А. К. Бабичевым Н. Т. Спасский представлял практическое направление Н. Н. Сандунова. Хотя А. К. Бабичев, в отличие от Н. Т. Спасского, непосредственного обучения у Н. Н. Сандунова не проходил, в связи с чем придерживался его подходов только при преподавании курса уголовного права. При преподавании же других дисциплин (российского публичного права и российского практического судопроизводства, лекции которых А. К. Бабичев читал в университете два часа в неделю) подходов Н. Н. Сандунова он не использовал. Об этом свидетельствует опубликованный в декабрьском выпуске «Журнала Министерства народного просвещения» за 1834 г. отчет «О курсах учения в университетах и Главном Педагогическом институте, с означением Преподавателей каждого предмета и методы их преподавания», извлеченный составителями из отчетов российских учебных заведений за 1832-1833 академический год. В нем, в частности, указывается, что адъюнкт А. К. Бабичев в 1832-1833 академическом (т. е. учебном) году преподавал: «Российское Публичное Право (2 ч.) по своим запискам, придерживаясь изданной Г. Васильевым книги: Нов[ое] Руководство к позн[анию] Рос[сийских] Законов; Российское Практическое

Судопроизводство (2 ч.) по своим запискам, придерживаясь изданных в Москве 1832 г. Г. М-м Оснований Рос[сийского] Судопроизводства»¹²;

г) приверженность В. Ф. Титарева и К. П. Пауловича естественно-правовой теории обусловлена, судя по всему, или их обучением в западноевропейских университетах или, что более вероятно, научной деятельностью под руководством западноевропейских ученых (поэтому и предпосылки формирования взглядов В. Ф. Титарева и К. П. Пауловича могли заключаться именно в этом);

д) определенная общность взглядов прослеживается у И. Ф. Тимковского и Г. П. Успенского в связи с тем, что последний именно по настоянию И. Ф. Тимковского занял «кафедру истории, географии и статистики» в Харьковском университете;

е) в основе уголовно-правовых взглядов И. Н. Даниловича лежат концептуальные подходы представителя исторического направления (школы) в уголовном праве – Эдуарда Генке.

3. В то же время в исследовании Г. С. Фельдштейна имеются некоторые неточности и противоречия. Например, непонятно почему, говоря о И. Ф. Тимковском и К. Ф. Михайловском, как принадлежащих к историко-догматическому направлению и приверженцах взглядов А. Я. Поленова и С. Е. Десницкого, Г. С. Фельдштейн отнес А. Я. Поленова и С. Е. Десницкого к представителям историко-сравнительного направления. До конца неопределенной осталась связь учений Г. П. Успенского со взглядами А. Я. Поленова и С. Е. Десницкого, а также то, чем обусловлена смена направлений от И. Ф. Тимковского, Г. П. Успенского и К. Ф. Михайловского к Н. Т. Спасскому и А. К. Бабичеву, а от них – к И. Н. Даниловичу, В. Ф. Титареву и К. П. Пауловичу за неполных тридцать лет развития уголовного права в Харьковском университете.

¹² См.: О курсах учения в университетах и Главном Педагогическом институте, с означением Преподавателей каждого предмета и методы их преподавания. – (Извлечено из отчетов за 1832–33 Академический год) // Журнал Министерства народного просвещения. – [1834]. Часть четвертая. – [№ XII. Декабрь]. – Санктпетербург : В типографии Императорской Академии Наук, 1834. – С. 246.

4. Указанные основные выводы обусловили направления дальнейшего исследования научных взглядов упомянутых выше представителей уголовно-правовой науки в Харьковском университете. В первую очередь, для понимания истоков формирования основ науки уголовного права в этом учебном заведении необходимо охарактеризовать уголовно-правовые взгляды А. Я. Поленова, С. Е. Десницкого, Н. Н. Сандунова, Эдуарда Генке, а также осветить особенности изучения юридических наук В. Ф. Титаревым и К. П. Пауловичем в зависимости от понимания ими права вообще.

2.1. Формирование исторического понимания уголовного права на основе учений классической немецкой философии первой половины XVIII – начала XIX веков, английских и французских просветителей XVIII века

Понимание уголовного права на основе его исторического изучения формировалось у преподавателей Харьковского университета с учетом «трансформации»:

а) взглядов представителей *классической немецкой философии* первой половины XVIII в., воспринятых немецкими учеными Ф. Г. Штрубе де Пирмоном, Куглером и Трейтлингером, которые повлияли на формирование правопонимания А. Я. Поленова во время его обучения юридическим наукам в академическом университете в Петербурге, Страсбургском и Геттингенском университетах. В этом случае формирование исторического правопонимания осуществлялось непосредственно в процессе учебных занятий у указанных университетских преподавателей (другими словами, было непосредственным, зависело лишь от объема воспринятого А. Я. Поленовым и излагаемого ему учебного материала). Последователями А. Я. Поленова в историческом понимании уголовного права были К. Г. Лангер и его ученик С. Е. Десницкий, обучавший юридическим наукам в Московском университете будущих преподавателей Харьковского университета – И. Ф. Тимковского и К. Ф. Михайловского;

б) взглядов представителей *классической немецкой философии* конца XVIII – начала XIX в., которые воспринял Э. Г. В. Генке. Однако влияние этого немецкого ученого на формирование правопонимания у И. Н. Даниловича было лишено «личного контакта», происходило на основе научных исследований, подготовленных Э. Г. В. Генке в процессе его работы в западноевропейских университетах, которые не имел возможности посещать И. Н. Данилович (иными словами, слушателем лекций Э. Г. В. Генке по уголовному праву И. Н. Данилович не был и в своих историко-правовых исследованиях опирался только на опубликованные работы немецкого ученого). В таком случае формирование исторического правопонимания последнего можно считать опосредованным, поскольку первоосновой понимания уголовного права у И. Н. Даниловича служили опубликованные работы Э. Г. В. Генке, а не прослушанные лекции;

в) взглядов *английских и французских просветителей* XVIII в., воспринятых А. Смитом и его учеником Дж. Милларом, а от них – С. Е. Десницким во время учебы в Глазговском университете (как уже указывалось, С. Е. Десницкий оказал прямое влияние на формирование правопонимания у И. Ф. Тимковского и К. Ф. Михайловского во время их обучения юридическим наукам в Московском университете).

В первом из указанных «способов» формирования исторического понимания уголовного права определяющее значение принадлежало Алексею Яковлевичу Поленову (1738–1816), на уголовно-правовые воззрения которого оказали влияние преподаватели академического университета в Петербурге, Страсбургского и Геттингенского университетов. Впоследствии его идеи в Московском университете восприняли К. Г. Лангер и С. Е. Десницкий. Связи указанных ученых обусловили содержание и структуру данной части моего исследования, в которой рассматриваются предпосылки, повлиявшие на формирование исторического понимания уголовного права не только у А. Я. Поленова, но и у С. Е. Десницкого. Причем влияние А. Я. Поленова на

уголовно-правовые воззрения С. Е. Десницкого выходит за рамки однозначного, прежде всего потому, что значительный вклад в формирование его правопонимания внесли также такие ученые, как А. Смит, Дж. Миллар и К. Г. Лангер (последний еще и как последователь исторического правопонимания А. Я. Поленова). Другими словами, формирование правопонимания вообще и понимание уголовного права в частности, происходило у С. Е. Десницкого на основе восприятия совокупности правовых идей разных ученых. В одном случае это были идеи, представлявшие историческое направление правопонимания в деятельности российского ученого А. Я. Поленова и его последователя в этом же направлении правопонимания в Московском университете К. Г. Лангера¹³, а в другом – идеи, формируемые в пределах исторического направления представителями Глазговского университета – А. Смитом и Дж. Милларом. Поэтому формирование правопонимания С. Е. Десницкого в историческом направлении основывалось, в первую очередь, на своеобразном «объединении» воззрений этих ученых.

А. Я. Поленов происходил из семьи костромских дворян и был воспитанником Гимназии и университета при Академии наук в Петербурге. В академическом университете он знакомился с содержанием преподавания юридических дисциплин Ф. Г. Штрубе де Пирмона (до октября 1757 г.) и Г.-Ф. Федоровича (с 1760 г.)¹⁴.

Императорская Академия наук и художеств в Санкт-Петербурге имела свой регламент, утвержденный императрицей Елизаветой Петровной 24 июля 1747 г. и направленный, прежде всего, на создание в Российской империи университета (данный акт, по словам В. А. Томсинова, сохранял заложенное при основании Академии соединение ее с университетом, но для того, чтобы это учреждение стало по-настоящему действовать в качестве университета,

¹³ Благовещенский А. История – метод науки законоведения в XVIII веке // Журнал Министерства народного просвещения. – [1835]. Часть седьмая. – [№ IX. Сентябрь]. – Санктпетербург : В типографии Императорской Академии Наук, 1835. – С. 42–52. – С. 43.

¹⁴ Шугуров М. Учение и ученики в XVIII веке (По поводу биографии А. Я. Поленова) // Русский архив. Издаваемый при Чертковской библиотеке. – 1866. – [Вып.] 3. – Москва : В типографии В. Грачева и Комп., 1866. – Столб. 312.

он отделял обязанности академиков от функций профессоров¹⁵). В соответствии с этим Регламентом преподавание юридических наук в академическом университете было поручено именно Фридриху Генриху Штрубе де Пирмону (1704–1790) – немцу, уроженцу Ганновера, получившему юридическое образование в университете г. Галле и служившему секретарем в германских посольствах в Австрии, Англии, Польше, а также у герцога Бирона и графа П. Г. Чернышева¹⁶.

В 1747 г. Штрубе де Пирмон перевел с латинского на французский язык предисловие к Атласу российскому, которое «и велено было напечатать в том же году»¹⁷. Однако, по замечанию В. А. Томсинова, лекции Штрубе де Пирмона не заинтересовали русских юношей. Этот вывод, по его словам, напрашивается при чтении доношения, поданного Штрубе де Пирмоном руководству Академии 10 декабря 1748 г., а также указывает на то, что таким образом ученый выражал мнение, что для русских студентов интересными могли быть только лекции, посвященные российскому праву, и именно поэтому предлагал написать краткое наставление по русскому праву – так называемый «Compendium juris ruthenici»¹⁸.

10 декабря 1748 г. Штрубе де Пирмон писал в своем представлении академической канцелярии: «Во всех чужестранных университетах должность профессора юриспруденции в том состоит, чтобы он обучал гражданских прав... А понеже в Российской империи гражданского права древних

¹⁵ Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии : учебное пособие. – М. : Зерцало-М, 2010. – 216 с. – С. 86.

¹⁶ Детальнее об указанных фактах биографии Ф. Г. Штрубе де Пирмона см.: История Императорской Академии наук в Петербурге. Петра Пекарского. Том первый. – Издание отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – Санктпетербург : Типография Императорской Академии наук, 1870. – С. 671–689; Е. К. Струбе (Штрубе) – де – Пирмон, Фридрих-Генрих // Русский биографический словарь. – Смеловский – Суворина [Т. 19]. – Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцева. – С.-Петербург : Типография товарищества «Общественная Польза», 1909. – С. 547–549; Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. – С. 120–132; Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. – Т. 1. – М. : Зерцало, 2007. – С. 99–113; Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии : учебное пособие. – С. 83–98.

¹⁷ История Императорской Академии наук в Петербурге. Петра Пекарского. Том первый. – С. 677.

¹⁸ Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. – Т. 1. – С. 104–105; Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии : учебное пособие. – С. 89–91.

римлян или какого-нибудь другого юношеству публично изъяснять неприлично, и, следовательно, положенная на меня должность касается наипаче до гражданской юриспруденции, по колику она в одних российских правах упражняется; но сей должности совершенно исполнить невозможно, ежели наперед сочинено не будет краткое руководство к российским правам, которое бы как учащие, так и учащиеся во основание их упражнения полагать могли. И так, сие дело на себя принять осмеливаюсь, ежели токмо во оном я, как для покупки потребных книг и писем, так и для награждения таких людей, от которых нужнейшие при таком сочинении известия получить могу, без помощи оставлен не буду...»¹⁹.

Указанное выше «руководство-наставление» Штрубе де Пирмон все же составил (под названием «Краткое руководство к российским правам»), но опубликовано оно так и не было²⁰.

Судя по всему, именно этот труд служил материалом для лекций по юридическим дисциплинам Штрубе де Пирмона во время учебы в академическом университете А. Я. Поленова. Однако этот труд также не имел успеха и не был оценен «по достоинству его современниками, а ближайшим образом его официальными критиками – членами Академии. Отказав ему в напечатании его работы, они сделали невозможным исправление его ошибок и отсрочили дальнейшее разрешение очередной задачи, которая так ясно поставлена была Штрубе»²¹.

В то же время в справочной литературе причина таких выводов членов Академии наук определяется следующим образом: «на французском языке исследование по истории русского права ... не было одобрено академией, так как содержало в себе только перечень всевозможных законодательных па-

¹⁹ История Императорской Академии наук в Петербурге. Петра Пекарского. Том первый. – С. 678, 679.

²⁰ О подготовке и содержании этого руководства см.: История Императорской Академии наук в Петербурге. Петра Пекарского. Том первый. – С. 678–683; Е. К. Струбе (Штрубе) – де – Пирмон, Фридрих-Генрих // Русский биографический словарь. – С. 548; Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. – С. 122–131; Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии : учебное пособие. – С. 105–111.

²¹ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. – С. 123, 131.

мятников России и пространная выдержки из них»²². Поэтому и первоначальную причину неудачи Штрубе де Пирмона на научном поприще следует видеть в том, что «... понеже при точнейшем рассмотрении оказалось, что оная книга сочинена не тем образцом, как он обещался и ее назвал, т. е. кратким руководством, ибо в оной ничего более не учинено, как только что под краткими заглавиями расположены материи и содержания указов, регламентов и прочего во всем их пространстве от слова до слова, как напр[имер] весь вексельный устав, весь воинский устав с процессом; большая часть Уложения и указанной книги и пр., почему упомянутая его книга к тому намерению, для которого приказано было ему оную сочинять, т. е. российскому юношеству вместо краткого руководства, явилась неспособною и еще меньше того для внесения в оную от слова до слова всего того, что в особливых напечатанных уже книгах содержится...»²³.

Именно в петербургском академическом университете А. Я. Поленов, как слушатель, сделал первые шаги в области законовещения, зарекомендовав себя с положительной стороны. В связи с этим Д. В. Поленов пишет: «... поступил в 1754 г. в учрежденный при Академии, но недолго существовавший, Университет с званием студента и здесь посвятил себя преимущественно изучению юриспруденции. Что он был в числе хороших студентов, это мы можем видеть из того, что, находясь в этом звании, он получил шпагу. Сверх того, по определению Сената, он был употреблен для перевода Лифляндских законов, под смотрением юстиц-коллегии советника Волкова. Получив за труды свои чин переводчика, он был отправлен в чужие края для дальнейшего усовершенствования в избранном им предмете»²⁴. Причем любопытно, что

²² Е. К. Струбе (Штрубе) – де – Пирмон, Фридрих-Генрих // Русский биографический словарь. – С. 548.

²³ История Императорской Академии наук в Петербурге. Петра Пекарского. Том первый. – С. 683.

²⁴ [Поленов Д. В.] А. Я. Поленов, Русский законовед XVIII века // Русский архив. Издаваемый при Чертковской библиотеке. – [1865]. – [Вып.] 4. – Москва: В типографии В. Грачева и Комп., 1865. – Столб. 445–446. Хотя историк М. Ф. Шугуров этому факту возражал: «... Не отрицая несколько того, что Поленов мог быть и действительно был в университете хорошим студентом, мы считаем нужным сделать следующее замечание: шпаги раздавались обыкновенно не студентам, как бы в награду за успешное прохождение ими университетского курса, а гимназистам, при вступлении их в университет» (Шугуров М. Ученые и ученики в XVIII веке (По поводу биографии А. Я. Поленова). – Столб. 311, 312).

в процессе обучения в университете молодой Поленов «... так и другие семеро гимназистов, вместе с ним допущенные к слушанию университетских лекций по экзамену (в котором принимал участие и Ломоносов) на первых порах испытали маленькую неудачу»²⁵. Неудачу эту М. Ф. Шугуров описывает так: «В заседании 18 марта (1754 года) ... Ломоносов участвовал в экзамене 8 учеников гимназии (в том числе был Alexius Polenow ...), которые были допущены к слушанию университетских лекций, но оказались столь слабыми в латинском языке, что не понимали профессорских лекций; вследствие чего им велено некоторое время ходить в верхний латинский класс академической гимназии»²⁶.

О том, что в 1761 г. А. Я. Поленова, еще слушателя академического университета, привлекла к работам по переводу старых ливонских и эстляндских законов на русский язык юстиц-коллегия, упоминает Е. Ф. Шмурло: «Участие в работах над переводом Ливонских законов доставило П[олено]ву чин переводчика и, в скором времени, возможность закончить свое образование при условиях более благоприятных»²⁷.

После этого на протяжении почти пяти лет А. Я. Поленов обучался юриспруденции в европейских университетах, основанные как «ученые заведения для всех наций»²⁸, по направлению Академии наук в Петербурге: четыре года в Страсбургском университете (1762–1766) и менее года в университете Геттингена (до мая 1767 г.). Учеба в этих университетах завершила юридическое образование А. Я. Поленова, который работал «над уголовным правом у профессоров Куглера и Трейтлингера»²⁹.

²⁵ Шугуров М. Учение и ученики в XVIII веке (По поводу биографии А. Я. Поленова). – Столб. 305.

²⁶ Там же. – Столб. 305.

²⁷ Шмурло Е. Поленов, Алексей Яковлевич // Русский биографический словарь. – Плавильщиков – Примо [Том 14]. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова. – С.-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1905. – С. 467.

²⁸ О Геттингенском университете [Сочинение Г. Коммерции Советника Брандеса. В Ганновере 1802] // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1826]. – № II. – Издание второе. – Санктпетербург : В типографии Департамента народного просвещения, 1826. – С. 77–94. – С. 87.

²⁹ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. – С. 133.

В справочной литературе период учебы А. Я. Поленова в Страсбургском и Геттингенском университетах описывается весьма обобщенно и поверхностно. Так, Е. Ф. Шмурло пишет: «Среди профессоров всех более славился маститый знаток истории и древностей Шепфлин (1694–1777). П[оленов] был поставлен под непосредственное его наблюдение, и хотя прямых указаний его влияния не сохранилось, но, может быть, совет не одного лишь проф. Лоренца побудил П[оленова] в первые полтора года пребывания в Страсбурге сосредоточить свои занятия на предметах историко-филологического круга (латинский и французский языки, история, метафизика и римские древности). Лишь с весны 1764 г. принялся он собственно за право в разнообразных его отраслях, не переставая, однако, и теперь заниматься историею. Начал было П[оленов] учиться и греческому языку, но должен был приостановиться в самом же начале, по совпадению курса с часами юридических лекций. Академия Наук, однако, осталась недовольна этим историческим направлением, считая такое излишним для юриста, и в июне 1766 г. послала П[олено]ву выговор с приказанием избрать себе другой университет. Задетый за живое, П[оленов] не без резкости отстаивал «исторические занятия», находя, что они служат «главнейшим основанием» к его «должности». «Не утвердись прежде в сем знании – говорил он – приниматься прямо за юриспруденцию столько же безразумно, как, не насадив железа, рубить дрова одним топором». Тем не менее, П[олено]ву пришлось в ноябре 1766 г. перебраться в Геттинген; но там он остался недолго: в июне 1767 г. мы видим его уже в Петербурге»³⁰.

Более конкретное представление о прослушанных А. Я. Поленовым лекциях по юридическим и историческим наукам в Страсбургском и Геттингенском университетах дает его переписка с советником канцелярии Академии И. А. Таубертом (1710–1771)³¹ и канцелярией Академии наук в Петер-

³⁰ Шмурло Е. Поленов, Алексей Яковлевич // Русский биографический словарь. – С. 468.

³¹ Вместе с М. В. Ломоносовым И. А. Тауберт был в то время «присутствующим» в канцелярии Академии.

бурге³². В одном из своих писем к И. А. Тауберту от 22 января 1763 г. А. Я. Поленов так описывал свое учение в Страсбурге: «... А что касается до моего учения, то прослушав философию, древности и историю, приступлю к слушанию юриспруденции; только сожаления достойно, что здесь книги дороже еще, нежели у нас, за неимением довольного числа типографий; и для того должно довольствоваться привозимыми из других государств»³³. В другом своем письме Тауберту из Страсбурга Поленов писал: «... Профессор философии, единственно любя свой покой, не читает никаких лекций, без чего, как вы сами изволите знать, приняться мне за юриспруденцию никоим образом не можно; да и юридический факультет в немалом беспорядке. Слушать у троих или четверых профессоров лекции никоим никоим образом не можно; потому что они не вдруг зачинают и не вдруг оканчивают. Честь здешнего университета содержит единственно Г. Шпильман, человек в звании предостойной, в трудах неутомимой, но только жаль, что я его знанием и трудолюбием ни мало не могу пользоваться ... Г. Шепфлин призывал меня по вашему письму и между прочим позволил также мне ходить в свою библиотеку и пользоваться, сколько я могу»³⁴.

Описывая занятия А. Я. Поленова сразу после приезда в Страсбург, М. Ф. Шугуров пишет: «Изучая французский язык ... Поленов не забывал и древних: ходил на лекции для латинского языка и стиля и решился заняться греческим языком ... Прежде чем приступить к своим специальным занятиям, к изучению права, он начал слушать лекции философии, древностей и истории, справедливо считая эти «свободные науки» необходимым условием для успеха будущих своих занятий юриспруденцией»³⁵.

В своем рапорте академической канцелярии в Петербурге, отправленном вскоре после приезда в Страсбург, А. Я. Поленов отчитывался о потра-

³² «В переписке Поленова хорошо обрисовывается его светлая, благородная личность и весь ход его занятий как в Страсбурге, так и в Геттингене, куда он переехал в конце 1766 года», – пишет М. Ф. Шугуров (Шугуров М. Учение и ученики в XVIII веке (По поводу биографии А. Я. Поленова). – Столб. 318).

³³ [Поленов Д. В.] А. Я. Поленов, Русский законовед XVIII века. – Столб. 449.

³⁴ Там же. – Столб. 451, 452.

³⁵ Шугуров М. Учение и ученики в XVIII веке (По поводу биографии А. Я. Поленова). – Столб. 317.

ченных им денежных средствах и указывал: «Приехал в Страсбург 29 ноября по н. ст., и спустя 6 дней, зачал ходить на латинские и исторические лекции к г. профессору Лоренцу, который читает Тацита, Цицероновы избранные речи и сокращенную историю Немецкой империи, не упуская также древности и французский язык; и сколь скоро возможно будет зачну также слушать философические лекции»³⁶. В другом рапорте от 8 декабря 1763 г. Поленов уведомлял академическую канцелярию, что «историческую коллегия (курс) Римско-Германской империи окончил; метафизические лекции, которые я также слушаю, г. профессором Гейсом равным образом, вскоре после нового года, окончены будут. Сверх сего, читаемую на немецком языке г. профессором Лоренцом по Целляриеву сокращению универсальную историю не опускаю; а для латинского языка изъясняет он Тацита и Virgiliya, присоединяя к тому исторические в латинском стиле упражнения; о чем, так как о французском языке, который немалую часть моих упражнений составляет, стараюсь по возможности»³⁷. В рапорте от 20 апреля 1764 г. Поленов также уведомлял академическую канцелярию о том, что «читанных г. профессором Гейсом метафизические коллегии он выслушал», а также изучал курс «универсальной истории, для латинского языка и для стиля»³⁸. Более подробно о своих занятиях А. Я. Поленов пишет в донесении канцелярии Академии наук от 17 октября 1764 г.: «В рассуждении моего учения поступаю я, как приказано; натуральное и общенародное право выслушал хотя не с начала у г. профессора Фрида, и ежели он в другой раз зачнет, как он сам обещался, то конечно не премину употребить сей случай в пользу. Наставления (Institutiones) Римского права слушаю у г. профессора Трейтлингера; универсальную историю и коллегия для латинского языка и стиля окончил; а вместо того г. профессор Лоренц читает теперь историю Немецкой империи и церковную, поскольку сии две части истории имеют сообщение и свою

³⁶ [Поленов Д. В.] А. Я. Поленов, Русский законовед XVIII века. – Столб. 449.

³⁷ Там же. – Столб. 454.

³⁸ Там же. – Столб. 457.

пользу, – первая в публичном Немецкой империи праве, а другая в церковном. Я рассудил, что сии обе коллегии великой для меня важности и для того их не упустил»³⁹. В своем донесении в канцелярию Академии наук от 22 апреля 1765 г. А. Я. Поленов писал: «выслушал прошедшею зимою наставления Римских прав (Justit[ia]) у г. профессора Трейтлингера; общее Нем[ецкой] империи право (Jus publ[icum] Germ[an]) у г. профессора Ерлена, у которого так же слушаю еще и теперь естественное и общее народное право (Jus nat[urale] et gent). Родословие и происхождение знаменитейших владельцев ныне немецких домов изъяснял нам г. профессор Шепфлин; немецкую историю, читаемую г. профессором Лоренцом, в скором времени окончу. До наступающего лета, как скоро господя профессора юридического факультета согласятся меж собою о коллегиях, приступлю к слушанию другой части Римских прав или духовного права, повторю наставления (Instit[utiones]), как для их трудности, так и для того, что они основанием служат и всем другим правам и без основательного и твердого оных познания почти ничего или очень мало можно успеть в юриспруденции. Мне чрезмерно нужно иметь хотя малое понятие о греческом языке, за который намерен я приняться как скоро случай будет и чрез лето, сколько можно, буду в нем упражняться. Французский язык принужден был я оставить, за недостатком времени; но теперь, избрав удобное время, стану стараться, чтоб привыкнуть несколько писать на оном»⁴⁰.

О своем желании «слушать публичное Римско-германской империи право, ежели б г. профессор не отложил сию коллегию, за недовольным числом слушателей, еще на некоторое время» Поленов также сообщал Тауберту 17 октября 1764 г.⁴¹

Однако сведения о прослушанных А. Я. Поленовым лекциях по уголовному праву встречаются лишь в письмах И. А. Тауберту и рапортах кан-

³⁹ [Поленов Д. В.] А. Я. Поленов, Русский законовед XVIII века. – Столб. 458, 459.

⁴⁰ Там же. – Столб. 460, 461.

⁴¹ Там же. – Столб. 459.

целярии Академии наук, начиная с мая 1765 г. Так, 23 мая 1765 г. А. Я. Поленов писал И. А. Тауберту: «Я слушаю вторую часть римских прав и криминальное право у г. профессора Куглера. г. профессор Ерлен продолжает читать нам натуральное и общенародное право и будущую осенью кончит. Он зачал так же читать публично первую часть римских прав, и я хожу в сию коллегию для повторения. Исторические г. профессора Лоренца лекции окончились»⁴². В своем рапорте канцелярии Академии наук от 13 сентября 1765 г. А. Я. Поленов указывал: «Что касается до моего учения, то немецкую историю, читанную г. профессором Лоренцом, также криминальное право и вторую часть римских прав, под предводительством г. профессора Куглера окончил. Натуральное и общенародное право выслушал у г. профессора Ерлена, у которого теперь также слушаю для повторения наставления римских прав. Сверх сего, имея уже довольное основание, упражняюсь собственным моим прилежанием во всем том, что до моей должности и знания касается, т. е. в свободных науках и языках, которые, как я сам довольно ведаю, к моему намерению неотменно нужны»⁴³.

Таким образом, лекции по уголовному праву А. Я. Поленов слушал у профессора Куглера менее полугода – с мая по сентябрь 1765 г. Насколько кратковременное изучение уголовного права под руководством Куглера влияло на серьезность восприятия этой науки в процессе научных занятий Поленова можно судить из следующего его донесения в академическую канцелярию от 24 марта 1766 г., в котором об уголовном праве ничего не говорится, но Куглер называется профессором, читавшим «духовное римской церкви право»: «Окончив недавно политические профессора Шепфлина коллегии о трактатах, продолжаю слушать наставления римских прав у профессора Ерлена и духовное римской церкви право у профессора Куглера. Сверх сего упражняюсь во всем том, что следует к моей должности и званию»⁴⁴.

⁴² [Поленов Д. В.] А. Я. Поленов, Русский законовед XVIII века. – Столб. 466.

⁴³ Там же. – Столб. 467.

⁴⁴ Там же. – Столб. 707.

Летом 1766 г. свои занятия по уголовному праву А. Я. Поленов продолжил у профессора Трейтлингера. В своем донесении, направленном в академическую канцелярию в Петербурге в августе 1766 г. он так их описывает: «Учение мое, прерванное на некоторое время болезнью, теперь опять идет порядочно, и я слушаю духовное римской церкви право у г. профессора Куглера, а криминальное духовное право у г. профессора Трейтлингера; также хожу к г. профессору Ерлену для повторения первой части Римских прав, которые последние для меня коллегии кончатся несумненно по собственному обнадеживанию и уверению гг. профессоров, с коими я о сем нарочно говорил, в исходе сентября месяца»⁴⁵.

Изучение юридических наук, среди которых, однако, не нашлось места уголовному праву, А. Я. Поленов продолжил в Геттингенском университете. В то время это учебное заведение славилось в Европе своими представителями исторического правопонимания⁴⁶, а также большой библиотекой: «Главное общественное заведение ... – без всякого противоречия, есть Библиотека, составленная из почти 200 тысяч книг и расположенная таким образом, что может назваться полезнейшим заведением в своем роде во всей Европе. Не токмо Профессоры и Студенты могут пользоваться оною с величайшею свободою, и действительно пользуются так, что почти каждый день выходит из оной более двухсот книг; но сверх того великое множество иностранных приезжают в Геттинг единственно для сего предмета ... Юридический Факультет или присутственное место, которое судит гражданские и уголовные дела, присылаемые в оное, и у которого можно также требовать советов. Сие присутственное место, составленное из Университетских Профессоров прав, не принадлежит собственно к Университету, как месту, пекущемуся о сохранении наук, равно как и не составляет заведения для обучения юношества, не имея ни малейшей связи с Студентами; но составляет важное прибежище для

⁴⁵ [Поленов Д. В.] А. Я. Поленов, Русский законовед XVIII века. – Столб. 710.

⁴⁶ Тарасов Е. Учебные годы Н. И. Тургенева в Геттингене // Журнал Министерства народного просвещения. – Новая серия. Часть LXV. – 1916. Октябрь. – Петроград : Сенатская типография, 1916. – С. 145–164. – С. 145.

умножения и усовершенствования знаний Профессоров прав, приводя их в состояние знать и судить о действительных вещах и к теоретическим познаниям присоединить практическое»⁴⁷. Поэтому вполне возможно, что и обучение юридическим наукам в Геттингенском университете для А. Я. Поленова преследовало цель усовершенствования теоретических знаний и выработку практических навыков.

В своем рапорте комиссии при Академии наук от 4 марта 1767 г. А. Я. Поленов следующим образом описывал начало своего учения в Геттингене: «... зачал слушать пандекты у г. профессора Бемера, а феодальное право у г. профессора Рикциуса. Первый продолжает и до сих пор исправно свои коллегии, а последний, для глубокой старости и слабого своего здоровья, отложил до будущего лета. Позднее время и незнание здешних обыкновений принудили меня довольствоваться тем, что я мог иметь; сверх сего у иных профессоров не было больше места, других я не знал, и так по неволе должно было отложить, пока снова не начнут все коллегии, что воспоследует вскоре после пасхи. При новом начатии намерен я слушать феодальное и духовное право, также практические коллегии и всеми силами буду стараться, чтоб означенные коллегии, а особливо практические, которых я еще никогда не слушал, не опустит и оными пользоваться, сколько можно. А ежели какой случай воспрепятствует поступить по принятому мною намерению, то изберу другие нужные мне части учения и не премину о сем уведомить комиссию, на благорассуждение которой я совершенно полагаюсь»⁴⁸.

Однако среди «других нужных ... частей учения», изучаемых А. Я. Поленовым в Геттингенском университете, места уголовному праву не нашлось. Объясняется это, по всей видимости, соображениями И. И. Тауберта о необходимости реформирования законодательства Российской империи на

⁴⁷ О Геттингенском университете [Сочинение Г. Коммерции Советника Брандеса. В Ганновере 1802]. – С. 91, 93.

⁴⁸ Поленов Д. А. Я. Поленов, Русский законовед XVIII века // Русский архив. Издаваемый при Чертовской библиотеке. – [1865]. – [Вып.] 5 и 6. – Год третий. – Москва : В типографии В. Грачева и Комп., 1865. – Столб. 724, 725.

основе опыта западноевропейских государств (их он озвучил в письме к А. Я. Поленову от 3 апреля 1767 г.): «... Когда вы, государь мой, курс свой юриспруденции окончите, и по достоинству от университета захотите, и от Академии дозволено вам будет, принять градус доктора юриспруденции, тогда к диспутации вашей изберите такую материю, которая бы соответствовала великому намерению всемилостивейшия государыни, как например: каким методом поступать должно при исправлении недостаточных и сочинении новых законов, и как другие народы в древние и новейшие времена в том поступали. Есть ли сия тема покажется вам трудна, то выберете другую, к законам нашего отечества приличную, и будучи первым из природных Россиян доктором юриспруденции припишите диссертацию свою всемилостивейшей государыне, переведя оную при том либо на российский, либо на французский язык. Все сие предлагаю вам только на тот случай, когда вы, как я уже выше упомянул, в рассуждении продолжаемых вами наук, от Академии отменительного приказания не имеете, ибо тогда должность ваша требует исполнять по повелениям команды, и в чем какие трудности находите, о том представлять заблаговременно»⁴⁹.

Как видим, занятия по уголовному праву в Страсбургском и Геттингенском университетах не были для А. Я. Поленова первоочередными. Поэтому важно отметить следующую его характеристику как ученого, становление которого связано с западноевропейским образованием: «Пребывание за границею выработало в П[оленова] не только хорошего юриста, но и человека с широким образованием. Школа и серьезное направление ума удержали его от одного лишь внешнего заимствования западноевропейской культуры; господствующие идеи века не прошли для него бесследно и ярко сказались во взглядах на нормы общественного права; с особенною силою усвоил П[оленов] уважение к личности и к принципу свободы»⁵⁰.

⁴⁹ Поленов Д. А. Я. Поленов, Русский законовед XVIII века. – Столб. 727, 728.

⁵⁰ Шмуурло Е. Поленов, Алексей Яковлевич // Русский биографический словарь. – С. 468.

Дальнейшие события в жизни А. Я. Поленова лишь подтверждают указанные соображения. Возвратившись в июне 1766 г. в Петербург, он продолжает заниматься переводами текстов известных мыслителей прошлого: Ш.-Л. Монтескье «Размышления о причинах величества римского народа и его упадка» (опубликована в 1769 г.), второй части произведения Самуэля Пуффендорфа «Введение в историю знатнейших иностранных государств», вышедшего в печать в 1777 г. и ставшего «руководством при обучении Правоведению во многих иностранных Академиях»⁵¹, а также записок С.-Г. Гмелина «Путешествие по России». В то же время он откликается на объявленный в 1766 г. Императорским Вольным экономическим обществом конкурс, на котором по распоряжению императрицы Екатерины II рассматривалась следующая задача: «Что полезного для государства, чтобы крестьянин имел в собственности землю, или только движимое имение, и сколь далеко на то и другое его право простирается» (в случае предоставления «удовлетворительного сочинения по этому предмету» императрицей было определено вознаграждение «тысячу червонцев в награду конкурентам»)⁵².

На этот конкурс А. Я. Поленов представил свое сочинение «О крепостном состоянии крестьян в России»⁵³, признанное удовлетворительным. За него 30 июля 1768 г. было определено «наградить г. Поленова за решение задачи золотую медалью в 12 червонных, с прописанием на оной имени автора»⁵⁴. В своем сочинении «... излагая в нем грустные последствия крепостного или рабского состояния крестьян, Поленов говорит, что первым средством для извлечения их из того несчастного состояния, в котором они находятся,

⁵¹ Благовещенский А. История – метод науки законоведения в XVIII веке // Журнал Министерства народного просвещения. – [1835]. Часть шестая. – [№ VI. Июнь]. – Санктпетербург : В типографии Императорской Академии Наук, 1835. – С. 375–441. – С. 432.

⁵² Поленов Д. А. Я. Поленов, Русский законовед XVIII века. – Столб. 729, 730, 732.

⁵³ См.: [Поленов А. Я.] О крепостном состоянии крестьян в России. Исследование заданной от Вольного Экономического Общества задачи: «Что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственности землю, или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простираются должны?» // Русский архив. Издаваемый при Чертковской библиотеке. – [1865]. – [Вып.] 3. – Москва : В Типографии В. Грачева и комп., 1865. – Столб. 287–316; Борзов Я. Заметка к статье А. Я. Поленова, об уничтожении крепостного состояния крестьян в России в 1767 г. // Там же. – Столб. 316–318.

⁵⁴ Поленов Д. А. Я. Поленов, Русский законовед XVIII века. – Столб. 730.

должно быть их образование. При этом он указывает и на способы, какие следует употреблять для достижения успеха в этом деле ... После этого Поленов переходит к рассуждению о движимой и недвижимой собственности крестьян. Отдавая первую в полное и неприкосновенное их распоряжение, Поленов говорит, что некоторое количество помещичьей земли должно быть также уступлено крестьянам за определенную повинность и с ограниченным правом, т. е. только в их наследственное пользование, но без права отчуждать ее каким бы ни было образом»⁵⁵.

Впоследствии А. Я. Поленов оставляет службу в Академии наук, всецело занимаясь чиновничьей работой. Так, в 1771 г. он занимает должность секретаря, а в 1780 г. – обер-секретаря в Первом департаменте Сената. В 1791 г. он зачисляется на должность обер-секретаря Третьего департамента Сената. После этого А. Я. Поленов служит советником в правлении Заемного банка, а с 1796 г. – в образованной императором Павлом I Комиссии для составления законов⁵⁶.

И хотя, как видим, отдельных печатных работ по уголовному праву А. Я. Поленов так и не подготовил, в литературе его называют предвестником историко-сравнительного направления (течения) в русском праве, которое зародилось в недрах петербургской Академии наук. Последователями А. Я. Поленова, наметившими более определенную задачу этого направления, были профессор Московского университета К. Г. Лангер, его ученик А. А. Артемьев и, главным образом, профессор того же университета С. Е. Десницкий⁵⁷.

По сути, работа А. Я. Поленова в области уголовного права ограничивалась содержанием прослушанных лекций Ф. Г. Штрубе де Пирмона, Куглера и Трейтлингера, переводами на русский язык текстов законодательных актов и трудов мыслителей прошлого, а также «планами разработки русского

⁵⁵ Поленов Д. А. Я. Поленов, Русский законовед XVIII века. – Столб. 731.

⁵⁶ См. об этом: Шмурло Е. Поленов, Алексей Яковлевич // Русский биографический словарь. – С. 469; Поленов Д. А. Я. Поленов, Русский законовед XVIII века. – Столб. 733, 734.

⁵⁷ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. – С. 132.

законодательства», в том числе уголовного (судя по всему, некоторые из этих планов Поленову все же удалось реализовать на практике). По словам Г. С. Фельдштейна, сведений, приступил ли когда-нибудь А. Я. Поленов к осуществлению своего плана, не имеется. Однако, содержание их представляет интерес для науки уголовного права с точки зрения *de lege ferenda* как попытка извлечь основания для права из положительных законодательств западных народов, а его систему «представить в связи с причинами, придавшими ему ту или другую форму». Ученый «был убежден, что право каждого народа носит своеобразный отпечаток, но что особенности эти должны быть возведены к определенным условиям, зависимость от которых может выясняться путем изучения причин, вызывавших перемены в законодательствах других народов». Поэтому в случае осуществления планов А. Я. Поленова его можно было бы назвать «первым русским юристом, стремившимся изучать русское право с точки зрения сравнительно-исторической»⁵⁸.

Формирование исторического правопонимания С. Е. Десницкого, как одного из последователей идей А. Я. Поленова в Московском университете, было довольно сложным и происходило также под влиянием других ученых (например, о влиянии на него идей первого профессора юриспруденции в Московском университете Филиппа-Генриха Дильтея (*Philipp Heinrich Dilthey, 1723–1781*) указывается в литературе следующим образом: «Профессоры делали все, что могли: в чем не трудно убедиться, если только назвать имена Дильтея, Лангера, Шадена, Десницкого и Третьякова. Особенно Дильтей и Десницкий были самые ревностные и усердные возделыватели этой Науки. Первый несколько лет, почти один преподавал все предметы, входящие в состав Юриспруденции. Ему обязана Россия первыми Юристами и Московский университет первыми природными Русскими Профессорами. Из его Школы вышли славный Десницкий и Третьяков»⁵⁹). Чтобы понять особенно-

⁵⁸ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. – С. 133, 134.

⁵⁹ Благовещенский А. История – метод науки законоведения в XVIII веке // Журнал Министерства народного просвещения. – [1835]. Часть седьмая. – С. 42, 43.

сти такого формирования нужно в первую очередь проанализировать становление С. Е. Десницкого как ученого-правоведа и рассмотреть влияние на его правопонимание таких ученых, как А. Смит, Дж. Миллар и К. Г. Лангер.

Семен Ефимович Десницкий (около 1740–1789) был уроженцем украинского Нежина и происходил из семьи мещан этого уездного города. О его детстве и юношеских годах практически не осталось никаких сведений. Ученые, изучавшие биографию С. Е. Десницкого, мотивируют это тем, что пожар, вспыхнувший в Москве после Бородинской битвы и при вступлении в город армии Наполеона, спалил множество домов, и в том числе здание, в котором размещался архив Московского университета. В результате этого бедствия не осталось даже документов, содержащих сведения о годе его рождения и его родителях⁶⁰.

Образование С. Е. Десницкий получил в духовной семинарии Троице-Сергиевой лавры и в академической гимназии при Московском университете⁶¹. Хотя по поводу полученного Десницким в семинарии Троице-Сергиевой лавры образования в справочной литературе высказываются некоторые сомнения: «... этого с уверенностью сказать нельзя, в виду того, что в первые годы существования этой семинарии, т. е. именно тогда, когда учился в ней С. Е. Десницкий, начальство нового учебного заведения, основанного по мысли имп[ератри]цы Анны Иоановны Арсением Могилянским, архиепископом переяславским, часто бывало принуждено заполнять классы детьми монастырских служителей, солдат и разночинцев, вследствие сохранившейся еще и до толе среди большинства приходского духовенства боязни отдавать сыновей в

⁶⁰ Томсинов В. А. Преподаватели юридического факультета Московского университета (1755–2010): Очерки жизни и творчества. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский Дом «Городец», 2011. – С. 24; Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. – Т. 1. – С. 131; Жоль К. К. Философия и социология права: учеб. пособие для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – С. 294.

⁶¹ См.: А. Я. Десницкий (Семен Ефимович) // Энциклопедический словарь. – Том X^a. Десмургия – Домициан. – Издатели: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг). И. А. Ефрон (С.-Петербург). – С.-Петербург: Типо-литография И. А. Ефрона, 1893. – С. 485; Калмыков Влад. Десницкий, Семен Ефимович // Русский биографический словарь. – Дабелов – Дядьковский [Том 6]. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова. – С.-Петербург: Типография Товарищества «Общественная Польза», 1905. – С. 331; Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. – Т. 1. – С. 131, 132.

школы. Неизвестно также, каким образом, по окончании семинарии, Десницкий попал вместо Духовной академии в одну из гимназий, учрежденных при Московском университете. Но что он был там, это несомненно»⁶².

После гимназии Семен Ефимович продолжил учебу в Московском университете как казеннокоштный студент (1760-1761) и через некоторое время был направлен вместе с И. А. Третьяковым в университет шотландского города Глазго (1761–1767)⁶³ «... для довершения образования»⁶⁴. В Глазговском университете Десницкий и Третьяков слушали лекции знаменитого Адама Смита по нравственной философии, риторике и изящной словесности, а также Джеймса Уильямса по математике, Джозефа Блэка по физике, Джона Миллара по частному и публичному шотландскому праву.

В. А. Томсинов, исследовавший влияние Джона Миллара (*John Millar*, 1735–1801) на образование Десницкого и Третьякова, отмечал, что лекционный курс Миллара по гражданскому праву (Институциям и Дигестам Юстиниана) они слушали в течение трех лет – до лета 1766 г. Лекции Миллара по шотландскому праву Десницкий и Третьяков могли слушать в период с ноября 1765 до лета 1767 г. Отмечая это, В. А. Томсинов указывает, что свой курс по шотландскому праву профессор Миллар начинал с лекций об институтах публичного права, затем излагал институты частного права. По его словам, молодых британцев привлекал в профессоре Милларе его либерализм в политических воззрениях. Те же, кто хотел учиться юриспруденции, получали на его лекциях знания основополагающих правовых принципов гражданского права, позволявшие самостоятельно усвоить сущность конкретных правовых институтов, действующих в той или иной стране. Миллар не любил останавливаться на подробностях и предпочитал не тратить на них время лекций, справедливо полагая, что фундаментальные знания в области юриспруден-

⁶² Калмыков Влад. Десницкий, Семен Ефимович // Русский биографический словарь. – С. 331, 332.

⁶³ Благовещенский А. История – метод науки законоведения в XVIII веке // Журнал Министерства народного просвещения. – [1835]. Часть седьмая. – С. 43.

⁶⁴ Калмыков Влад. Десницкий, Семен Ефимович // Русский биографический словарь. – С. 332.

ции, которые он давал, вполне позволяют студентам самостоятельно разобраться в детальных характеристиках римского или шотландского права⁶⁵.

Лекционный курс Миллара по Институтам Юстиниана, который слушали Десницкий с Третьяковым, состоял из двух частей: общей и особенной. Миллар излагал сначала главные положения римского права в соответствии с руководством немецкого правоведа Иоганна Готлиба Гейнекция (*Johann Gottlieb Heineccius*, 1681–1741) «Элементарное цивильное право согласно порядку Институций», затем объяснял нормы, составляющие конкретные институты римского права. При этом Миллар широко использовал сравнительный метод. Однако, будучи блестящим лектором, Миллар оказался неплодотворителем писателем – автором всего лишь одной крупной работы, впервые опубликованной в 1771 г. под названием «Наблюдения, касающиеся различия социальных положений в обществе». Кроме этого, В. А. Томсинов делает крайне важное заключение, цитируя английского экономиста Джона Эллиота Кэрнса (*John Elliott Cairnes*; 1823–1875): «Десницкий и Третьяков возвратились в Москву с точкой зрения на право, укорененной в историческую теорию общества, в котором правительство (необходимое для защиты собственности, что составляет основание общества) базируется на авторитете и полезности и которое видит в основе политического повиновения привычку, обычай, страх и полезность. Закон не происходит из высших норм божественного права... но правила правосудия возникают из общественной жизни». По словам В. А. Томсинова, Дж. Кэрнс также отмечал, что многие смитовские идеи перешли в произведения Десницкого и Третьякова через вторые руки, то есть через Миллара⁶⁶.

Основоположник либеральной экономической теории и сторонник теоретических обобщений, систематизации экономических знаний Адам Смит

⁶⁵ Томсинов В. А. Преподаватели юридического факультета Московского университета (1755–2010): Очерки жизни и творчества. 2-е изд., перераб. и доп. – С. 27–29; Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. – Т. 1. – С. 135, 136.

⁶⁶ Томсинов В. А. Преподаватели юридического факультета Московского университета (1755–2010): Очерки жизни и творчества. 2-е изд., перераб. и доп. – С. 29–30; Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. – Т. 1 – С. 137, 138.

(*Adam Smith*, 1723–1790) был одним из самых образованных людей своего времени, имел энциклопедические знания в области разных наук, оказав значительное влияние на своих современников и последователей⁶⁷. В процессе своего обучения в Глазговском и Оксфордском университетах А. Смит выступал подвержен влиянию идей нравственной философии Френсиса Хатчесона (*Francis Hutcheson*, 1654–1746) и Дэвида Юма (*David Hume*, 1711–1776).

В 1748–1750 гг. А. Смит «читал лекции по риторике и эстетике в Эдинбурге, вне университета, где эти предметы не преподавались», а «в 1751 г. он был выбран профессором логики в Глазговский университет и вскоре затем получил в том же университете кафедру нравственной философии»⁶⁸, посвятив свою дальнейшую ученую деятельность вопросам нравственной философии, логики и экономики⁶⁹. Громадное влияние на формирование научных взглядов А. Смита, как экономиста и правоведа, оказали, прежде всего, учения философа и экономиста Д. Юма, французских философов эпохи Просвещения Жана-Жака Руссо (*Jean-Jacques Rousseau*, 1712–1778), Жана Лерона Д'Аламбера (*Jean Le Rond D'Alembert, d'Alembert*, 1717–1783), Клода Адриана Гельвеция (*Claude Adrien Helvétius*, 1715–1771) и Пауля Дитриха Тири Гольбаха (*Paul-Henri Thiry d'Holbach*, 1723–1789), а также физиократов Франсуа Кенне (*François Quesnay*, 1694–1774), Анна Робера Жака Тюрго (*Anne Robert Jacques Turgot*, 1727–1781)⁷⁰.

В основных своих работах А. Смит исходил «из одного и того же понимания человеческой природы, признаваемой им в своей основе глубоко

⁶⁷ Історія економічних учень : підручник. У 2 ч. – Ч. 1 / За ред. В. Д. Базилевича. – 3-тє вид., випр. і доп. – К. : Знання, 2006. – 582 с. – С. 176, 180.

⁶⁸ Туган-Барановский М. Смит (Адам Smith) // Энциклопедический словарь. – Том XXX^a. Слюз – София Палеолог. Издатели: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг). И. А. Ефрон (С.-Петербург). – С.-Петербург : Типография Акц. Общ. «Издательское Дело», Брокгауз-Ефрон, 1900. – С. 536–541. – С. 536.

⁶⁹ По словам М. И. Туган-Барановского, нравственной философией «называлась в шотландских уни[верситетах] своеобразная научно-философская дисциплина, распадавшаяся на четыре части – естественную теологию, этику, естественное право и политику, куда входила и прикладная экономика. Лекции С[мита] обнимали все эти 4 предмета, при чем естественная теология, мало его интересовавшая, излагалась им весьма кратко» (см.: Туган-Барановский М. Смит (Адам Smith) // Энциклопедический словарь. – С. 536–537).

⁷⁰ См. об этом: Иванюков И. И. Основные положения теории экономической политики с Адама Смита до настоящего времени. – 1-е бесплатное приложение к журналу «Вестник и Библиотека Самообразования» на 1904 г. – С.-Петербург, 1904. – 164 с. – С. 17–25.

эгоистичною ... Но, кроме посылки эгоизма, С[мит] исходит и из другого, более шаткого тезиса: согласно своему общему философско-теологическому мирозерцанию, он предполагает некоторую предустановленную гармонию в свободной игре человеческих интересов, долженствующей привести к общему благополучию»⁷¹. В то же время «исторические исследования С[мита], – по свидетельству М. И. Туган-Барановского, – ... построены, в большинстве случаев, по заранее готовой схеме, для доказательства или иллюстрации тех или иных априорных положений автора»⁷². Понятие нравственной человеческой природы в трудах А. Смита связывается с четырьмя главными добродетелями: «властью над самим собою, любовью или доброжелательством, благотворительностью и правдой»⁷³.

В истории политэкономии основные положения теории А. Смита, «проповедующей свободу хозяйственной деятельности человека, свободу торговли и проч.»⁷⁴, сводились к следующему: «1) в признании естественного, абсолютного экономического порядка, 2) в устранении активной деятельности государства, и отсюда – ограничение народного хозяйства системой частных хозяйств, 3) в возвеличении эгоизма до значения основного принципа народного хозяйства, и отсюда – отождествление индивидуальных интересов с общественными и почти исключительное пользование при исследовании хозяйственных явлений дедуктивных методов»⁷⁵. Поэтому основной замысел исследова-

⁷¹ Туган-Барановский М. Смит (Адам Smith) // Энциклопедический словарь. – С. 539.

⁷² Там же. – С. 539.

⁷³ История философии права. Сочинение Н. И. Пилянкевича, изданное под редакцию Профессора Ренненкампа. – С предисловием, заключающим биографические сведения об авторе. – Киев : В университетской типографии, 1870. – 299 с. – С. 158; Будде Б. Е. Учение о ценности в системе Рикардо // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. – Часть LIV. – 1914. Ноябрь. – Петроград : Сенатская типография, 1914. – С. 1–18. – С. 5.

⁷⁴ Тарасов Е. Учебные годы Н. И. Тургенева в Геттингене. – С. 164.

⁷⁵ Иванюков И. И. Основные положения теории экономической политики с Адама Смита до настоящего времени. – 1-е бесплатное приложение к журналу «Вестник и Библиотека Самообразования» на 1904 г. – С. 26. Эти положения нашли отражение в труде А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», над которым ученый работал более десяти лет (при его жизни книга переиздавалась четыре раза) (см.: Смит А. Исследование свойства и причин богатства народов. Творение Адама Смита. Перевод с английского. – Том 1. – В Санктпетербурге : В типографии государственной Медицинской коллегии, 1802. – С. 1–577, 1–9; Смит А. Исследование свойства и причин богатства народов. Творение Адама Смита. Перевод с английского. – Том 2. – В Санктпетербурге : В типографии государственной Медицинской коллегии, 1803. – С. 1–10, 1–354.)

ния А. Смита «Теория нравственных чувств»⁷⁶ исследователи до сих пор видят в создании ученым универсальной, всеобъемлющей картины развития человека и общества на основе его собственных социально-философских идей, связанных с признанием существования справедливых, «естественных» законов, равенства и обязательности общечеловеческих норм морали⁷⁷.

Однако влияние идей А. Смита на формирование взглядов С. Е. Десницкого в области юридических наук было менее выраженным, чем влияние Джона Миллара⁷⁸. Об этом в справочной литературе указывается: «Как истый питомец британ[ского] университета, Д[есницкий] с особенным сочувствием отзывается об англ[ийских] законах и учреждениях и о самой Англии. Совершенно иным тоном говорит он о Германии. Д[есницкий] подсмеивается над немецкими учеными, придающими большую цену разным схоластическим тонкостям. Высоко ставя Юма и Адама Смита, Д[есницкий] с пренебрежением отзывается о Пуффендорфе, отзыв тем более замечательный, что Пуффендорф тогда, да и после долго, служил руководством во всех заведениях, где преподавалось право. Эта самостоятельность мышления Д[есницкого] имела тем большее значение, что ему приходилось закладывать основы для изучения российского законовещения ... Юристу, по мнению Д[есницкого], необходимы четыре науки: нравоучительная философия, натуральная юриспруденция, римское право и отечественное право; последние должны быть изучаемы на основании сравнительно-исторических данных. Д[есницкий] и представляет образчики подобного изучения, и хотя материал,

⁷⁶ См.: Смит А. Теория нравственных чувств или Опыт исследования о законах, управляющих суждениями, естественно составляемыми нами, сначала о поступках прочих людей, а затем о наших собственных. С письмами М. Кондорсе и Кабанису о симпатии. Перевод П. А. Бибииков. – С.-Петербург : Тип. Дома призрения малолет. бедных ценз., 1895. – 1–515, I–VI.

⁷⁷ Історія економічних учень : підручник. У 2 ч. – Ч. 1. – С. 180.

⁷⁸ Современные исследователи влияния А. Смита на российскую науку все же отмечают большое значение С. Е. Десницкого в распространении идей А. Смита в России: «Роль Десницкого в распространении идей Адама Смита в России была достаточно велика. Не исключено даже, что именно его конспект лекций послужил базой для издания «The Wealth of Nations» на английском языке» (см.: Артемьева Т. В. Адам Смит в России // Философский век. Альманах. Вып. 19. Россия и Британия в эпоху Просвещения: опыт философской и культурной компаративистики : материалы международной конференции, 6–8 июня 2002 г., Санкт-Петербург. Часть 1 / Отв. редакторы Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. — СПб. : Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2002. – С. 39–66. – С. 47).

которым он располагал, весьма скуден, но уже одна замена отвлеченного демонстративного метода вольфианцев, царившего в моск[овском] университете, исследованием сравнительно-историческим есть весьма серьезная заслуга»⁷⁹. В другом случае отмечается, что «поездка за границу оставила неизгладимый след на образе мыслей Десницкого. Он подметил там проблески исторического направления в изучении права и явился первым и смелым представителем в России этого еще не вполне определившегося при нем направления. До него, и в Московском университете, и в других учебных заведениях, где преподавалось правоведение, все коренилось на праве естественном, «перстом Божеским во всех сердцах написанном»; всюду господствовали Пуффендорф и Вольф. Можно было предполагать, что, воспитанный на их отвлеченных воззрениях, беспочвенных и далеких от действительности, Десницкий и сам окажется последователем школы естественного права. Но этого не случилось. Лекции Адама Смита не могли не произвести впечатления на восприимчивого русского студента, одаренного большими способностями. Они послужили толчком к дальнейшей, уже самостоятельной разработке начал нового направления»⁸⁰.

По окончании своего обучения в университете Глазго С. Е. Десницкий сдал публичный экзамен на докторскую степень, получив при этом степени магистра свободных наук и доктора права. После этого в 1767 г. он возвратился в Москву, выдержав экзамен на основании приказа куратора Московского университета В. Е. Адодурова (1709–1780) «О произведении экзамена в Конференции возвратившимся на родину докторам юриспруденции Десницкому и Третьякову» для подтверждения полученной в Глазго докторской степени⁸¹. Прочитав несколько пробных лекций, Десницкий был допущен к преподаванию на юридическом факультете Московского университета. В 1768 г. он, как доктор юриспруденции, производится в экстраординарного профессора «прав

⁷⁹ А. Я. Десницкий (Семен Ефимович) // Энциклопедический словарь. – С. 485.

⁸⁰ Калмыков Влад. Десницкий, Семен Ефимович // Русский биографический словарь. – С. 332. Речь идет о немецком философе, юристе Христиане фон Вольфе (*Christian Freiherr von Wolff*, 1679–1754).

⁸¹ Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии : учебное пособие. – С. 145; Калмыков Влад. Десницкий, Семен Ефимович // Русский биографический словарь. – С. 332, 333.

римских и российских», оставаясь на службе в этом учебном заведении до 1778 г. (с 1773 г. как ординарный профессор).

В университете Десницкий с 1768 г. читал пандекты римского права сравнительно с правом российским, а с 1783 г. – курс российского законоискусства, критикуя последователей естественного права и отстаивая идею, что «абстрактные теории права не имеют никакой цены в смысле практического их осуществления; наука должна способствовать облегчению и ускорению естественных процессов социальной жизни, но она может достигать этой цели единственно путем изучения самой жизни в настоящем и прошлом»⁸². Методы проводимых С. Е. Десницким занятий по этим дисциплинам описываются в литературе следующим образом: «В ту пору еще не считалось допустимым вести преподавание по своей системе, и профессорам указывали готовые системы, готовые учебники, которыми должны были они руководствоваться. Проявить самостоятельность воззрений было делом нелегким. Большинство профессоров, менее даровитых, подчинялись силе обстоятельств. Но Десницкий, провидевший ... что не одна фантазия ведет народы к их назначению, и искавший духа законов в сущности вещей, в истории народов ... преодолевал этот гнет. Оставшиеся литературные труды его свидетельствуют, что он был далек от мысли придерживаться господствующих взглядов. И его речи, и примечания к переводу сочинения Блэкстона заставляют думать, что он был тверд в убеждениях и навряд ли слепо придерживался Гейнекия в своих лекциях. Относясь отрицательно к умствованиям представителей школы естественного права, Десницкий позволял себе посмеиваться над ними. Зато он чрезвычайно высоко ставил своего учителя, Адама Смита, последователем которого являлся сам»⁸³.

В то же время «главнейшим предметом его размышлений и бесед было Российское ученое Законоведение. К нему, как к средоточию, он направлял все

⁸² Калмыков Влад. Десницкий, Семен Ефимович // Русский биографический словарь. – С. 333.

⁸³ Там же. – С. 333.

прочие знания и все внимание учащихся. Он не успел составить Теории Российского Законоведения, но оставил прекрасный опыт Введения в сию Науку, достойный внимания и подражания. В прекрасном своем Слове о прямом и ближайшем способе к научению Юриспруденции, он изложил с глубокою проницательностию и обдуманностию основания и образ преподавания сей Науки»⁸⁴.

Более предметно содержание идей С. Е. Десницкого передают его научные исследования. В подготовленной им работе под названием «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, в публичном собрании императорского Московского университета ... говоренное ... июня 30 дня 1768 года» С. Е. Десницкий фактически обобщил свои взгляды на происхождение «законоучения» и «законоискусства», понятие и сущность нравоучительной философии, натуральной юриспруденции, римской и российской юриспруденции. Кроме этого, ученый историческое понимание права «реализовывал» в таких частях указанной работы, как «Рассуждение о происхождении преимущества, власти и старшинства в народах, от которых происходит и их правление», а также «Рассуждение о родительской власти, которую у римлян имел отец над своими детьми и которая примечается и у всех народов, когда они в невежественном и варварском состоянии находятся»⁸⁵. Необходимость «научения юриспруденции» С. Е. Десницкий связывал с тем, что «у всех народов и во всяких государствах примечается издревле и поныне разная склонность и отменное дарование к различному упражнению; и что люди в ином государстве, не последуя толикому многообразному и природному в них стремлению желаний, одно военное упражнение за величественное почитают и к оному все свое старание прилагают, тому бывают причинами смежное со многими такого народа поселение и долговременное

⁸⁴ Благовещенский А. История – метод науки законоведения в XVIII веке // Журнал Министерства народного просвещения. – [1835]. Часть седьмая. – С. 43, 44.

⁸⁵ [Десницкий С. Е.] Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, в публичном собрании императорского Московского университета ... говоренное ... июня 30 дня 1768 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / под общ. ред. и со вступ. стат. И. Я. Щипанова. – Издание в двух томах. – Том I. – М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952. – С. 187–235.

оного с начала закоснение в войне с соседними народами»⁸⁶. «По сей причине мы видим, что в государствах, в которых одна военная слава и военное чиновничество предпочитается во всем, свободные науки и искусства благопоспешно не процветают, и сходно с сим заключением мы також видим, что у римлян при военном состоянии, которое у них через 700 лет продолжалось, никаких почти философов, стихотворцев, историков и знатных художников не было»⁸⁷, – пишет далее Десницкий.

Структура «Слова ...» соответствует программе подготовки юристов того времени, о которой С. Е. Десницкий пишет: «После нравоучительной философии, натуральной юриспруденции и римских прав обыкновенно в университетах преподаются отечественных законов юриспруденция, что все учащиеся, окончив и будучи исследованы и засвидетельствованы во всем, допускаются адвокатами в дела тяжёбые и криминальные для оказания своего искусства на деле и напоследок бывают судьями»⁸⁸.

Содержание нравоучительной философии Десницкий связывал с «четырьмя добродетелями», которыми, на его взгляд, были: «*iustitia, prudentia, fortitudo, temperantia* (истина, премудрость, великодушие и воздержание), которые в сей науке доказываются главными (*virtutes cardinales*) и от которых любители древности выводят и других премножество производных добродетелей (*derivativas virtutes*), поднимая споры неугомонные о том, что справедливо ли быть всегда полезным и полезное всегда ли и в каких случаях может быть честным, и так обратно». Причем Десницкий продолжал придерживаться идей А. Смита относительно того, что «нравоучительная философия ближайшее с натуральной юриспруденциею соединена, нежели все другие системы сия науки»⁸⁹.

⁸⁶ [Десницкий С. Е.] Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, в публичном собрании императорского Московского университета ... говоренное ... июня 30 дня 1768 года. – С. 189.

⁸⁷ Там же. – С. 192, 193.

⁸⁸ Там же. – С. 200.

⁸⁹ Там же. – С. 200, 201, 202.

С. Е. Десницкого на изучение вопросов естественного права «наталкивали первоначально запросы современной жизни, международной практики и отсутствие руководящих начал для их разрешения»⁹⁰ (с такими же проблемами при формировании основ естественного права сталкивались и его основатели). Поэтому исследование натуральной юриспруденции С. Е. Десницкий начинает с анализа «общефилософских, этических воззрений»⁹¹ таких основателей науки естественного права⁹², как Гуго Гроций (*Hugo de Groot*, 1583–1645), Томас Гоббс (*Thomas Hobbes*, 1588–1679), Самуэль фон Пуффендорф (*Samuel von Pufendorf*, 1631–1694)⁹³ и римский консул Марк Кокцей Нерва (*Marcus Cocceius Nerva*), жившего в первом веке до н. э., относительно содержания и системы этой науки (натуральной юриспруденции). Ее содержание С. Е. Десницкий рассматривал «в четырех частях, из которых: 1) О происшествии правлений в разные веки и у разных народов; 2) О правах, происходящих в обществе от различного состояния и звания людей; 3) О правах, происходящих от различных и взаимных дел между обывателями; 4) О полиции, или благоустроении гражданском»⁹⁴. Первую часть ученый понимает

⁹⁰ Александренко В. [Н.] Очерки по истории науки международного права. А. Джентили и Г. Гроций // Журнал Министерства народного просвещения. – Новая серия. Часть III. – 1906. Май. – С.-Петербург : Сенатская типография, 1906. – С. 109–124. – С. 113.

⁹¹ Там же. – С. 113.

⁹² Там же. – С. 109.

⁹³ Обоснование связи учения Пуффендорфа, Гоббса и Гроция часто приводилось в литературе первой трети XIX в. Так, утверждение о том, что «Пуффендорф соединил только философские мнения Гоббса с началами общественной жизни, принятыми Гроцием», указывалось в периодической печати (см.: Журнал Министерства народного просвещения. – [1834]. Часть четвертая. – [№ XII. Декабрь]. – [Отдел VI. Новости и смесь. Разные известия]. – Санктпетербург : В типографии Императорской Академии Наук, 1834. – С. 371). В другом случае основательное исследование «собственно естественного права», которое представляли Гроций и Пуффендорф, а также политической теории сенсуалистической философской школы в Англии Гоббса, было подготовлено в 1840-х годах Н. И. Пилянкевичем и издано только в 1870 г. под редакцией Н. К. Ренненкампа (см.: История философии права. Сочинение Н. И. Пилянкевича, изданное под редакцией Профессора Ренненкампа. – С предисловием, заключающим биографические сведения об авторе. – С. 81–103, 133–137). Переиздание этого труда Н. И. Пилянкевича увидело свет в 2011 г. (см.: Пилянкевич Н. И. История философии права [изданное под редакцией профессора Н. К. Ренненкампа, Киев. – 1870] // Філософія та енциклопедія права в Університеті Святого Володимира : у 2 кн. – Кн. 1 / уклад. І. С. Гриценко, В. А. Короткий ; за ред. І. С. Гриценка. – К. : Либідь, 2011. – С. 100–306. – С. 153–168, 189–192). Современное исследование взглядов Пуффендорфа см.: Курзенин Э. Б. Политико-правовое учение Самуэля Пуффендорфа Политико-правовое учение Самуэля Пуффендорфа: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 – Теория права и государства; история права и государства; история политических и правовых учений; Курзенин Эдуард Борисович; Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 1999. – 153 с.

⁹⁴ [Десницкий С. Е.] Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, в публичном собрании императорского Московского университета ... говоренное ... июня 30 дня 1768 года. – С. 202–204.

как «некоторые наблюдения о причинах и натуральном происшествии власти и старшинства у народов, изъясняя оные историческим описанием, взятым от первоначальных народов, о которых мы ясное понятие имеем ...», вторую – как «права натуральные, какие имеет человек к защищению своего тела, имени и пр. После сих изъяснять права приобретенные, какие случаются между государем и подданными, между судьей и судимым, между рабом и господином, между родителями и детьми, между мужем и женою, между опекуном и состоящим под опекою, причем должно показывать начало, возвышение и совершенство примечаемой во всех правлениях власти законодательной, судительной и наказательной с показанием, каким персонам каждая из сих властей бывает поручена сначала и какие люди отправляют сии должности напоследок в правлении»⁹⁵. «В третьей части должно показывать свойство прав, происходящих от различных между обывателями дел, каковыя суть вещественные: собственность, право дозволенное, наследство, заклад и особливые привилегии и другие персональные; контракт и подобное право в преступлении»⁹⁶, – пишет Десницкий. Однако содержание «преступления и подобного права в преступлении» ученый не раскрывает, ограничиваясь констатацией того, что «сие историческим доказательством должно пространно изъяснять, показывая их точные основания, на которых они утверждаются». В четвертой части Десницкий предлагает «показывать все то, что принадлежит до благоустройства и благосостояния, удобного содержания и безопасности обывателей, и рассуждать о средствах, надобных к предупреждению внутренних треволнений и к защищению от неприятельских нападений»⁹⁷.

Некоторые «элементы» уголовно-правовых воззрений С. Е. Десницкого встречаются в той части указанной работы, которая именуется «О российской юриспруденции». Именно здесь ученый признает «все тяжёбные и криминальные дела с назначенными по указам Наказаниям» составляющими

⁹⁵ [Десницкий С. Е.] Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, в публичном собрании императорского Московского университета ... говоренное ... июня 30 дня 1768 года. – С. 204, 205.

⁹⁶ Там же. – С. 205, 206.

⁹⁷ Там же. – С. 206.

«прав вещественных и персональных». Ограничиваясь этим, он считает это необходимым «для общего знания и для удобнейшей практики в судах»⁹⁸.

Позднее С. Е. Десницкий подготовил «Юридическое рассуждение о вещах священных, святых и принятых в благочестие, с показанием прав, какими оные у разных народов защищаются ... говоренное ... апреля 22 дня 1772 года»⁹⁹, «Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов и о совершенстве, к какому оное приведенным быть кажется последовавшими народами просвещеннейшими ... говоренное ... июня 30 дня 1775 года»¹⁰⁰, а также «Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имущества в различных состояниях общежителства ... говоренное ... апреля 21 дня 1781 года»¹⁰¹.

Отдельно следует отметить составленные С. Е. Десницким «примечания к переводу книги Блэкстона «Истолкования английских законов», в которых ученый объясняет, что «господин Блэкстон в толковании здесь закона естественного по началам моральным держался системы Готчесона и полагает добродетель в доброжелательстве, или в желании блага, похваляемом всякому собственным самолюбием. Впрочем, как доктор Готчесон, так и г. Блэкстон оба заражены казуистическим законоучением, коего в Англии родителем был господин Гоббс»¹⁰². В этих «Примечаниях ...» С. Е. Десницкий отдельно описывает сущность «обмана, чинимого при выборе членов парламентских», при-

⁹⁸ [Десницкий С. Е.] Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, в публичном собрании императорского Московского университета ... говоренное ... июня 30 дня 1768 года. – С. 210.

⁹⁹ [Десницкий С. Е.] Юридическое рассуждение о вещах священных, святых и принятых в благочестие, с показанием прав, какими оные у разных народов защищаются ... говоренное ... апреля 22 дня 1772 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / под общ. ред. и со вступ. стат. И. Я. Щипанова. – Издание в двух томах. – Том I. – М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952. – С. 236–256.

¹⁰⁰ [Десницкий С. Е.] Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов и о совершенстве, к какому оное приведенным быть кажется последовавшими народами просвещеннейшими ... говоренное ... июня 30 дня 1775 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / под общ. ред. и со вступ. стат. И. Я. Щипанова. – Издание в двух томах. – Том I. – М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952. – С. 257–267.

¹⁰¹ [Десницкий С. Е.] Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имущества в различных состояниях общежителства ... говоренное ... апреля 21 дня 1781 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / под общ. ред. и со вступ. стат. И. Я. Щипанова. – Издание в двух томах. – Том I. – М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952. – С. 268–286.

¹⁰² [Десницкий С. Е.] [Из примечаний к переводу книги Блэкстона «Истолкования английских законов»] // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / под общ. ред. и со вступ. стат. И. Я. Щипанова. – Издание в двух томах. – Том I. – М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952. – С. 288, 289.

знавая его «показателем злоупотреблений закона», а также влияния «сокро-
виществующих миллионщиков» на правосудие, когда оно «может быть нечув-
ствительно на откупе» (в этом случае Десницкий описывает пример, приве-
денный английским историком и философом Дэвидом Юмом, который причи-
ну смерти в 1649 г. английского короля Карла I видел в коммерции, «которая в
тогдашние времена столь безмерно усилилась, что даже мясники и пивовары,
заседая в законодательстве, подавали страшный приговор на своего законного
государя») ¹⁰³.

В оглашенном 30 февраля 1768 г. в Московском университете «Пред-
ставлении о учреждении законодательной, судительной и наказательной вла-
сти в Российской империи» С. Е. Десницкий отстаивал позицию, что «все поч-
ти чиновничества и все главное правление в государствах» зависят от трех
властей: законодательной, судительной и наказательной. Первой он наделял
монархов, кроме которых «никто в полном значении не может иметь; позван-
ные, однако, на такую должность монархами персоны могут и в законодатель-
ной власти иметь столько участия, сколько и ныне правительствующему сена-
ту дозволяется, то есть их должность может дозволена быть с приказанием и
по усмотрению монархов российских делать указы вновь, старые поправлять,
дополнять или уничтожать так, как надобность и изволение монаршее потре-
бует» ¹⁰⁴. Объясняя сущность законодательной власти, С. Е. Десницкий рас-
сматривает следующие вопросы: «из каких и из скольких людей состоять мо-
жет правительствующий сенат»; «каким образом и откуда выбирать сенато-
ров»; «каким образом другого звания сенаторы могут быть выбираемы»; «на

¹⁰³ [Десницкий С. Е.] [Из примечаний к переводу книги Блэкстона «Истолкования английских зако-
нов»]. – С. 289, 290, 291.

¹⁰⁴ [Десницкий С. Е.] Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной
власти в Российской империи // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века /
Под общ. ред. и со вступ. стат. И. Я. Щипанова. – Издание в двух томах. – Том I. – М. : Гос. изд-во полит.
лит-ры, 1952. – С. 294, 295.

сколько времени сенаторы выбираемы могут быть»; «каким образом заседать и дела отправлять сенаторам»¹⁰⁵.

Понимая судительную власть как такую, которая «требуется, чтоб распределена была во всей империи», С. Е. Десницкий рассматривает для объяснения сущности этой власти следующие вопросы, связанные с судопроизводством и судоустройством: «в каких местах в России судительная власть должна безотлучно присутствовать»; «из каких персон в сих местах судительная власть состоять может»; «какая должность может быть четырех генеральных судей»; «каким образом судьи должны судить дела криминальные и тяжёбые»; «в каком знании и науках судьи искусны должны быть»; «на сколько времени и на каком жаловании судьи могут быть учреждены»¹⁰⁶.

Наказательная власть, по мнению ученого, «должна больше зависима быть от высших, нежели какая другая из сих властей. И для того порядок в отечестве требует узаконить, чтоб имеющие наказательную власть ничего важного отнюдь от себя не предпринимали без осуждения публичного пред судьями». Для объяснения этого С. Е. Десницкий обращается к вопросам, связанным с уголовным судопроизводством и судоустройством: «кому приличественно наказательная власть может быть поручена» и «какая должность может быть поручена воеводе»¹⁰⁷.

В заключении своего «Представления ... » С. Е. Десницкий уделяет внимание так называемой «гражданской власти», которая не выделялась в определенной им системе властей, но все же была рассмотрена автором. Такая власть, как пишет ученый, «поручена должна быть таким людям, которые в городе живут и у которых больше дел отправляется в городе. Следовательно, такую власть иметь можно дозволить гражданам, а более еще купцам и художественным людям»¹⁰⁸.

¹⁰⁵ [Десницкий С. Е.] Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи. – С. 295–301.

¹⁰⁶ Там же. – С. 301–308.

¹⁰⁷ Там же. – С. 308–312.

¹⁰⁸ Там же. – С. 312.

Не смотря на то, что вопросы уголовного права в работах С. Е. Десницкого рассматривались крайне поверхностно, в этой науке он, по замечанию Г. С. Фельдштейна, оставил заметный след. Относя С. Е. Десницкого к сторонникам историко-сравнительного направления в уголовном праве, Г. С. Фельдштейн мотивирует это не «областью созданного ... в русской криминалистике», которая не так уж велика, а «ценностью той положительной наметки путей разрешения задач русского уголовного правоправедения, разработке которой он посвятил немало усилий». Вместе с тем, Г. С. Фельдштейн называет в своей работе имя ученого, чьи идеи прямо повлияли на взгляды С. Е. Десницкого, который «углубил то, что он получит от Лангера. Влияние последнего было на него столь значительным, что оттеснило в значительной мере впечатления, полученные им в Англии»¹⁰⁹. Схожая мысль относительно «исторической природы» уголовно-правовых взглядов С. Е. Десницкого встречается в справочной литературе (на примере характеристики ученым сущности некоторых видов наказаний, целей их применения): «... не будучи по специальности криминалистом, Десницкий, если и не заметил других оснований и целей наказания, зато, как чуткий человек, он понял, насколько не соответствуют духу времени чрезмерно жестокие кары, и приложил свои силы к тому, чтобы способствовать замене старых карательных систем новыми, более мягкими и человечными. Ведь, если в его время и не практиковалась в широких размерах смертная казнь со всеми ее ужасами, то это было не в силу духа тогдашних законов, а лишь потому, что сохраняло действие, как временная мера, заменение казни ссылкой и каторгой»¹¹⁰.

Карл-Генрих Лангер (*Karl Heinrich Langer*, вторая половина 1730-х годов – после 1792) имел немецкое происхождение и обучался философским и

¹⁰⁹ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. – С. 141, 142.

¹¹⁰ Калмыков Влад. Десницкий, Семен Ефимович // Русский биографический словарь. – С. 334. Говоря о преемственности взглядов К. Г. Лангера С. Е. Десницким, А. И. Чучаев пишет: «Ученик К.Г. Ланге профессор Московского университета С. Е. Десницкий также использовал в своих трудах историко-сравнительный метод исследования» (Чучаев А. И. Проблемы в методах науки уголовного права. – С. 193).

юридическим наукам в Гейдельбергском и Иенском университетах¹¹¹. Для преподавания юридических наук в Московском университете его пригласил в 1764 г. куратор В. Е. Адодуров, хотя ни печатных трудов, ни ученой докторской степени у Лангера не было¹¹². С. П. Шевырев в связи с этим пишет: «Он не имел степени Доктора, что Ададурову было неприятно, однако не смотря на то, что в 1764 г., 12-го августа Лангер введен был в Университетскую конференцию самим Куратором – и здесь прочел две пробные лекции: *de practis ex jure naturae* и потом: *de successione ab intestato ex jure civili*. Тогда же заключен с ним контракт на три года и дана ему кафедра Ординарного Профессора с окладом 500 рублей в год и с квартирою в доме Университета. Это назначение было особенно необходимо потому, что контракту с Дильтеем истекал срок и его увольняли по некоторым неудовольствиям»¹¹³.

Лангер начал читать Право положительное всеобщее, по системе Неттельбладта, но с 1765 года стал уже требовать для своих лекций экземпляра Российских указов. В том же году он занял место Секретаря Конференции, по смерти Билона, и с тех пор протоколы конференции писаны были на Латинском языке, который, по образу мыслей того времени, казался гораздо приличнее для дел ученых»¹¹⁴, – писал С. П. Шевырев.

Итак, в Московском университете К. Г. Лангер до мая 1774 г.¹¹⁵ «читал естественное и народное право по Ноттельбладту, политику по собственным

¹¹¹ В литературе встречается утверждение, что К. Г. Лангер был воспитанником Геттингенского и Иенского университетов (см.: Русский биографический словарь. – Лабзина – Ляшенко [Том 10]. – Издаваемый Императорским Русским Историческим Обществом. – С.-Петербург : Типография Главного Управления Уделов, 1914. – С. 58; Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. – С. 134).

¹¹² История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики Степаном Шевыревым. 1755–1855. – Москва : В Университетской Типографии, 1855. – С. 128, 129; Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии : учебное пособие. – С. 136, 137. В справочной литературе все же указывается, что К. Г. Лангер, закончив образование в Геттингенском и Иенском университетах, «получил степень доктора обоих прав» (Русский биографический словарь. – Лабзина – Ляшенко [Том 10]. – С. 58).

¹¹³ История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики Степаном Шевыревым. 1755–1855. – С. 129.

¹¹⁴ Там же. – С. 129.

¹¹⁵ Таким образом, преподавательская деятельность К. Г. Лангера в Московском университете продолжалась почти десять лет – с 11 августа 1764 г. по 8 мая 1774 г. (см.: Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, сочинение митрополита Евгения. – Издание Москвитянина. – Том II. – Москва : В Университетской Типографии, 1845. – С. 4; Русский биографический словарь. – Лабзина – Ляшенко [Том 10]. – С. 58).

запискам, придерживаясь системы Вольфа»¹¹⁶, а также курс всеобщей юриспруденции по руководству И. Г. Винклера¹¹⁷.

По мнению Г. С. Фельдштейна, К. Г. Лангер работал в историко-сравнительном и догматическом направлениях в уголовном праве, создав «первую русскую школу права в лице своего ученика А. А. Артемьева и наиболее яркого представителя ее С. Десницкого». Таким образом, Г. С. Фельдштейн характеризует С. Е. Десницкого как последователя учений К. Г. Лангера, принадлежащего к этим двум «направлениям в разработке русского уголовного права»¹¹⁸.

С. П. Шевырев указывает, что Адодуров поручил Лангеру «... стараться особенно о приобретении познаний в языке Русском, чтобы профессор мог скорее ввести занятия и Русскою Юриспруденциею. Лангер начал читать Право положительное всеобщее, по системе Неттельбладта, но с 1765 года стал уже требовать для своих лекций экземпляра Российских указов. В том же году он занял место Секретаря Конференции ... и с тех пор протоколы конференции писаны были на Латинском языке, который, по образу мыслей того времени, казался гораздо приличнее для дел ученых»¹¹⁹.

Г. С. Фельдштейн считал, что К. Г. Лангер «не был защитником отрезанной от исторических условий доктрины естественно-правовых учений». Подкрепляя свой вывод освещением «отдельных вопросов уголовного права» в трудах К. Г. Лангера¹²⁰, российский дореволюционный ученый признал его

¹¹⁶ Русский биографический словарь. – Лабзина – Ляшенко [Том 10]. – С. 58.

¹¹⁷ Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии : учебное пособие. – С. 137, 154. В. А. Томсинов также указывает, что К. Г. Лангер в то время читал систему натуральной (естественной) юриспруденции по руководству Неттельбладта (там же. – С. 154).

¹¹⁸ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. – С. 134.

¹¹⁹ История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики Степаном Шевыревым. 1755–1855. – С. 129.

¹²⁰ Первая работа К. Г. Лангера была опубликована в 1766 г. и представляла собой изложение речи, произнесенной в публичном собрании Императорского Московского университета «Слово о начале и распространении положительных законов, и о неразрывном союзе философии с их учением, в публ. собр. И.М.У., бывшем для высокотожественного дня рождения ... Имп. Екатерины Алексеевны ... говоренное профессором ... Карлом Генриком Лангером. Апр. 26 дня 1766 году». Наиболее важным трудом Лангера стало «Слово о происхождении и свойстве высшего криминального суда, и что употребление оногo рассуждать надлежит, по различному состоянию гражданств, и по намерению, которое в наказании людей иметь должно», произнесенное в день восшествия на престол императрицы Екатерины II (см.: Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. – С. 135). О списке трудов К. Г. Лангера см.: Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, сочинение митрополита Евгения. – С. 4; Русский биографический словарь. – Лабзина – Ляшенко [Том 10]. – С. 58.

«сторонником философско-догматического учения права при помощи историко-сравнительного приема»¹²¹. Подытоживая выводы о К. Г. Лангере, Г. С. Фельдштейн пишет: «Мы должны видеть его в лице представителя философско-догматического направления в разработке права, оперирующего при помощи сравнительно-исторических данных. Метод этого ученого и его обширные знания не могли, к сожалению, быть приложенными к разработке русского права по незнанию языка страны. В этом отношении ему пришлось разделить участь русских ученых, которые хотя и знали язык, но по целому ряду других условий должны были ограничиться только наметкой схемы разработки права в известном направлении. Мы не имеем, однако, права считать деятельность Лангера в Московском университете совершенно бесплодной. Помимо влияния на слушателей, он первый из иностранцев, которому удалось заложить основание русской школы правоведов, применявшей его приемы разработки права. Для оценки заслуг Лангера в истории русской науки достаточно принять во внимание, что влияние его рельефно сказалось на трудах его учеников: А. Артемьева и С. Десницкого. Между тем как первый только отчасти пошел по пути, намеченному Лангером, С. Десницкий ... опередил его и по праву должен считаться самым крупным русским юристом XVIII столетия»¹²².

В своих трудах К. Г. Лангер изучение уголовных законов предлагал проводить историко-сравнительным методом. Причем на его применение влияли социальные и психологические условия жизни общества. Так, именно нецелесообразность применения и неспособность служить охране права привело у одних народов к исчезновению «частной мести», а у других – ее своеобразную «трансформацию» в систему выкупов. Сравнивая уголовные законы разных народов, К. Г. Лангер не ограничивается простым выводом о тождественности некоторых из них в силу определенного заимствования. По его мне-

¹²¹ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. – С. 135.

¹²² Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. – С. 138.

нию, к этому могут привести также одинаковые условия быта нескольких народов, которые усматривают в этом некую целесообразность. Изучение таких условий он связывал со значением истории, которая в конечном счете помогает уяснить особенности происхождения позитивного права.

Рассматривая понятие преступления, К. Г. Лангер среди его признаков называл совершение действия по человеческой воле в соответствии с «нравственным или гражданским обязательством», а также способность «таким действием «тишину и безопасность общую нарушать» (когда оно «потревожит общее спокойствие»). Г. С. Фельдштейн, обращавшийся к текстам указанных работ К. Г. Лангера, считал, что их автор анализирует «материальный состав преступления, очерчивая последний рядом отрицательных признаков» в следующем предложении: «Никакого действия назвать не можно преступлением, которое не заключает в себе нравственного или гражданского обязательства, которое совсем невозможно, или необходимо, или не в нашей власти состоит ... и которое происходит от людей ума лишенных или насильно принужденных»¹²³. Понятие наказания в уголовном праве К. Г. Лангер также исследовал с историко-сравнительной стороны. Связывая сущность наказания с потребностью «соблюдения общего благополучия», Лангер неизменно обращается к влиянию на него различных социальных и психологических моментов. Например, будучи противником смертной казни, ученый на основе анализа уголовного законодательства других стран объяснял применение данного вида наказания во многих из них с позиции обеспечения спокойствия жизни граждан и воздержания от совершения ими преступлений.

У меня нет оснований не доверять Г. С. Фельдштейну, который фактически анализировал особенности преемственности взглядов К. Г. Лангера в трудах его ученика С. Е. Десницкого. Однако утверждать о влиянии на научные идеи С. Е. Десницкого только К. Г. Лангера, возражая влиянию на них взглядов Адама Смита и Джона Миллара, не совсем корректно. В этом плане

¹²³ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. – С. 137.

показателен вывод В. А. Томсинова о том, что С. Е. Десницкий объединение нравоучительной философии, естественной (натуральной) юриспруденции, римского права и русского права как составных частей общей системы преподавания наук в России представлял потому, что «проверил подобную систему на себе во время учебы в университете Глазго. Ей следовали ведущие профессора этого университета – Адам Смит и его ученик Джон Миллар»¹²⁴. Не стоит забывать также о том, что именно на занятиях Джона Миллара С. Е. Десницкий основательно ознакомился с использованием сравнительного метода в праве. Это, в свою очередь, позволило ему в своих трудах¹²⁵ отдавать предпочтение историко-сравнительному методу изучения права, отстаивая непригодность «практического изучения российской юриспруденции в судебных местах» и нецелесообразность «приема ознакомления с правом при посредстве метода толковательного»¹²⁶. Историческое исследование С. Е. Десницкий осуществлял относительно «отдельных юридических институтов у разных народов для выяснения законов их смены». Такой же подход указывает на восприятие им идей своего учителя К. Г. Лангера, «исследовавшего, в частности, смену укладов уголовного права и указавшему на роль истории в деле его изучения»¹²⁷, с той лишь разницей, что Лангер, в отличие от своего талантливого ученика, не наделял исторический метод изучения права метафизическими и политическими «свойствами».

¹²⁴ Томсинов В. А. Преподаватели юридического факультета Московского университета (1755–2010): Очерки жизни и творчества. 2-е изд., перераб. и доп. – С. 42; Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии: Учебное пособие. – С. 152; Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. – Т. 1. – С. 152.

¹²⁵ См.: [Десницкий С.] Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, в публичном собрании Императорского Московского университета ... говоренное ... июня 30 дня 1768 года. – С. 187–235; [Десницкий С.] Юридическое рассуждение о вещах священных, святых и принятых в благочестие, с показанием прав, какими оные у разных народов защищаются ... говоренное ... апреля 22 дня 1772 года. – С. 236–256; [Десницкий С.] Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов и о совершенстве, к какому оное приведенным быть кажется последовавшими народами просвещеннейшими ... говоренное ... июня 30 дня 1775 года. – С. 257–267; [Десницкий С.] Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имущества в различных состояниях общежития ... говоренное ... апреля 21 дня 1781. – С. 268–286; [Десницкий С.] [Из примечаний к переводу книги Блэкстона «Истолкования английских законов»]. – С. 287–291; [Десницкий С.] Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи. – С. 292–332.

¹²⁶ См. об этом: Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. – С. 143, 144.

¹²⁷ Там же. – С. 144, 145.

Уделял также внимание С. Е. Десницкий соотношению понятий «delictum» и «quasi delictum» между собой, а также с «областью нравственно недопустимого» и «уголовной неправдой, влекущей за собой наказание», полагая, что формальные критерии их разграничения могут изменяться, поскольку зависят от «верховой власти» государства. Причем основания применения такой властью права наказывать (карать) у Десницкого не выходят за рамки историко-сравнительного представления.

Подводя итог характеристике историко-сравнительного направления в уголовном праве у С. Е. Десницкого и его связи с К. Г. Лангером, следует обратить внимание на слова Г. С. Фельдштейна: «Теоретическая юриспруденция С. Десницкого на положительном основании, изыскивающая «причины, которые действуют во всех государствах и суть основанием всех законов и правлений», не очень далека от «философии» Лангера, как объединяющего начала, считающегося с «естеством вещей», и лежащего в основании положительного права, – не далека и от того преклонения перед сравнительно-историческим методом, которое слышится в словах Лангера»¹²⁸.

Кроме английских и французских просветителей XVIII в., правопонимание преподавателей уголовного права в Харьковском университете определенным образом формировалось на основе взглядов представителей классической немецкой философии конца XVIII – начала XIX в. Одним из ученых, который воспринял такие взгляды и оказал влияние на формирование исторического правопонимания И. Н. Даниловича, был Эдуард Герман Вильгельм Генке (*Hermann Wilhelm Eduard Henke*, 1783–1869). Как представитель исторического направления в понимании уголовного права (философско-исторической школы права) он является малоизвестным ученым, данные биографии которого современные отечественные исследователи вообще не упоминают. Сведений о нем крайне мало, в основном это немецкая литература XIX в., хотя его имя в отечественной литературе все же упоминается, пре-

¹²⁸ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. – С. 146.

жде всего, в связи с обозрением преподавания юридических наук в немецких университетах того времени¹²⁹ или, благодаря старым немецким источникам, иллюстрирующим формирование уголовно-правовых взглядов И. Н. Даниловича¹³⁰. Такая связь с учениями представителя немецкой уголовно-правовой мысли позволяла И. Н. Даниловичу на своих лекционных занятиях по уголовному праву соединять «общие теоретические понятия и сравнительно-исторические сведения по отечественному и некоторым иностранным уголовным законам (древнеримскому, германских народов и др.)»¹³¹. В то же время немногочисленные работы современных авторов, по сути, являются калькой с указанных исследований¹³².

Немецкий криминалист Эдуард Герман Вильгельм Генке родился 28 сентября 1783 г. в Брауншвейге в многодетной семье местного пастора Эрнста Хайнриха Людвига Генке (*Ernst Heinrich Ludwig Henke, 1741–1802*) и был девятым ребенком. Его старший брат Адольф Кристиан Генрих Генке (*Adolph Christian Heinrich Henke, 1775–1843*) стал известным физиологом, патологоанатомом и фармакологом, был одним из основателей судебной медицины.

Эдуард Генке учился в университетах Геттингена и Хельмштадта, изучая юридические науки. В 1806 г. он защищает габилитационную докторскую диссертацию в университете Эрлангена, в котором в то время читал лекции Иоганн Готтлиб Фихте (*Johann Gottlieb Fichte, 1762–1814*), оказавший впоследствии значительное влияние на становление научных взглядов Эду-

¹²⁹ Журнал Министерства народного просвещения. – [1834]. Часть четвертая. – [№ XII. Декабрь]. – [Отдел VI. Новости и смесь. Разные известия]. – Санктпетербург : В типографии Императорской Академии Наук, 1834. – С. 362.

¹³⁰ См.: Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905). Составленный профессорами Д. И. Багалеем, Н. В. Сумцовым и В. П. Бузескулом. Издание университета. – Харьков : Типография Адольфа Дарре, 1906. – С. 63; Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. – С. 461.

¹³¹ История университета Св. Владимира / соч. Виталия Шульгина; сост. В. Короткий. – Репр. изд. – К. : Лыбидь, 2010. – 280 с. – С. 152.

¹³² См.: Чучаев А. И. Г. С. Гордеенков – представитель Харьковской школы уголовного права // 10 років чинності Кримінального кодексу України: проблеми застосування, удосконалення та подальшої гармонізації із законодавством європейських країн : матеріали міжнар. наук.-практ. конф., 13–14 жовт. 2011 р. / редкол.: В. Я. Тацій (голов. ред.), В. І. Борисов (заст. голов. ред.) та ін. – Х. : Право, 2011. – С. 92; Чучаев А. И. Проблемы в методах науки уголовного права. – С. 194.

арда Генке (1805-1806), а в 1808 г. – еще одну диссертацию в университете Ландсхута.

Карьера «кабинетного ученого» в первые годы после защиты диссертации, судя по всему, не очень привлекала Эдуарда Генке. Переехав в Нюрнберг, он, начиная с 1813 г., некоторое время работает на должности ассессора в местном городском суде. Однако уже в следующем году Генке покидает Нюрнберг и переезжает в Швейцарию, где на протяжении последующих восемнадцати лет занимает профессорскую должность в университете Берна (1814–1832). Это время знаменует собой наиболее плодотворный этап научной деятельности ученого. В 1832 г. Эдуард Генке возвращается в Германию и в течение года работает в Верховном Апелляционном судебном совете в Вольфенбюттеле. В 1833 г. он переезжает в Галле, работая сначала в местном Совете юстиции, а затем – на должности ординарного профессора в университете этого города Саксонии¹³³. В 1857 г. Эдуард Генке выходит в отставку и возвращается в родной Брауншвейг, где умирает 14 марта 1869 г.¹³⁴

О структуре преподаваемого Эдуардом Генке в университете Галле курса уголовного права указывается в приложении «Извлечение из каталогов лекций Юридических Факультетов в главнейших Германских Университетах» к опубликованной в сентябрьском номере «Журнала Министерства народного просвещения» за 1834 г. статье под названием «Устройство юридических факультетов в разных иностранных университетах, и в особенности в Германии»¹³⁵. В частности, в разделе «Б» этого приложения, который посвя-

¹³³ В связи с этим в декабрьском номере «Журнала Министерства народного просвещения» за 1834 г. в списке ординарных профессоров, «кои читали лекции в течение последних четырех с половиною лет ... В Гальском [университете]», указывалась фамилия «Генке» (см.: Журнал Министерства народного просвещения. – [1834]. Часть четвертая. – [№ XII. Декабрь]. – [Отдел VI. Новости и смесь. Разные известия]. – Санктпетербург : В типографии Императорской Академии Наук, 1834. – С. 362).

¹³⁴ Teichmann [Albert]. Henke, Hermann Wilhelm Eduard // Allgemeine Deutsche Biographie. – Elfter Band. Hassenpflug – Hensel. – Auf Verantallung Seiner Majestät des Königs von Banern herausgegeben durch die historische Kommission bei der Königl. Akademie der Wissenschaften. – Leipzig : Verlag von Dunker & Humblot, 1880. – S. 753, 754; Журнал Министерства народного просвещения. – [1834]. Часть четвертая. – [№ XII. Декабрь]. – [Отдел VI. Новости и смесь. Разные известия]. – Санктпетербург : В типографии Императорской Академии Наук, 1834. – С. 362.

¹³⁵ Саму статью см.: Устройство юридических факультетов в разных иностранных университетах, и в особенности в Германии // Журнал Министерства народного просвещения. – [1834]. Часть третья. – [№ IX.

щен университета г. Галле, структура курса уголовного права в 1830-х годах представляется в виде следующих частей: 1) «Общее и Прусское Уголовное Право» и 2) «Общее и Прусское Уголовное Судопроизводство»¹³⁶. Для сравнения отмечу, что структура курса уголовного права, преподаваемого в Берлинском университете в то же самое время, имела значительные отличия, поскольку охватывала следующие его составляющие: 1) «История Уголовного Права»; 2) «Уголовное Право и Судопроизводство»; 3) «Уголовные дела»; 4) «О вменяемости преступлений»; 5) «Общее и Прусское Уголовное Право и Практическое Делопроизводство»¹³⁷. Еще более отличалась структура курса уголовного права в Гейдельбергском университете. Так, его составляющими были: 1) «Германское и Французское Уголовное Право»; 2) «О Теориях Уголовного Права»; 3) «О вменяемости преступлений»; 4) «Объяснение 47 и 48 книги Пандектов»; 5) «Уголовное Судопроизводство»; 6) «Практическое Уголовное Судопроизводство»¹³⁸. Более упрощенно была представлена структура курса уголовного права в университете Геттингена: 1) «Наука Уголовного Права»; 2) «Уголовное Право»; 3) «Уголовное Судопроизводство»¹³⁹.

Наиболее известным трудом немецкого криминалиста стало четырехтомное «Руководство по уголовному праву и уголовной политике», вышедшее в свет в Берлине на протяжении пятнадцати лет (1823–1838)¹⁴⁰.

Сентябрь]. – [Отдел IV. Известия об иностранных учебных заведениях]. – Санктпетербург : В типографии Императорской Академии Наук, 1834. – С. 317–341. Об указанном приложении к этой статье см.: Извлечение из каталогов лекций Юридических Факультетов в главнейших Германских Университетах [Приложения к статье об устройстве иностранных юридических факультетов] // Журнал Министерства народного просвещения. – [1834]. Часть третья. – [№ IX. Сентябрь]. – [Отдел IV. Известия об иностранных учебных заведениях]. – Санктпетербург : В типографии Императорской Академии Наук, 1834. – С. 472–514.

¹³⁶ Извлечение из каталогов лекций Юридических Факультетов в главнейших Германских Университетах [Приложения к статье об устройстве иностранных юридических факультетов]. – С. 491.

¹³⁷ Извлечение из каталогов лекций Юридических Факультетов в главнейших Германских Университетах [Приложения к статье об устройстве иностранных юридических факультетов]. – С. 475, 478, 481.

¹³⁸ Там же. – С. 515.

¹³⁹ Там же. – С. 504.

¹⁴⁰ Handbuch des Criminalrechts und der Criminalpolitik, von Eduard Henke. – Erster Theil. – Berlin und Stettin: in der Nicolaischen Buchhandlung, 1823. – S. I–XXII, 1–626; Handbuch des Criminalrechts und der Criminalpolitik, von Eduard Henke. – Zweiter Theil. – Berlin und Stettin: in der Nicolaischen Buchhandlung, 1826. – S. I–VI, 1–452; Handbuch des Criminalrechts und der Criminalpolitik, von Eduard Henke. – Dritter Theil. – Berlin und Stettin: in der Nicolaischen Buchhandlung, 1830. – S. I–VI, 1–743; Handbuch des Criminalrechts und der Criminalpolitik, von Eduard Henke. – Vierter Theil. – Berlin und Stettin: in der Nicolaischen Buchhandlung, 1838. – S. I–X, 1–894.

В этом издании Эдуард Генке выступил сторонником обстоятельного исторического анализа источников уголовного права зарубежных государств. Представляя, по словам Г. С. Фельдштейна, «философско-историческое течение в германской литературе XIX в.», Генке в своем исследовании «определенно указывает на необходимость союза философских приемов разработки прав с историческими. В этом сочетании он видит единственное средство избежать недостатков философских приемов, приводящих, с одной стороны, к разобщенности теоретического права с правосознанием народа, действительными потребностями практической жизни и проч. и, с другой, – спасение от увлечения историческим изучением права, ограничивающегося истолкованием устаревших памятников уголовного законодательства»¹⁴¹.

Описывая сущность указанного течения в науке уголовного права Г. С. Фельдштейн указывал: «Ближайшим образом, попытка взаимного восполнения философских построений, независимо от их особенностей, с исторической обработкой уголовного права имела для криминалистов много привлекательного. Этим путем думали придать философским построениям не только положительную почву, но и более пригодные для осуществления в практической жизни свойства»¹⁴².

Занимаясь юридическими науками в Эрлангенском университете, Эдуард Генке знакомится с представителем классической немецкой философии Иоганном Фихте, преподававшим здесь философию и являвшегося продолжателем этико-правовых учений Эммануила Канта (1724–1804). Сильное влияние идей Фихте испытал в процессе своей научной деятельности в то время и молодой Генке, решительно выступая против абсолютной (моральной) теории возмездия в уголовном праве и в своих первых работах по этой науке развивал теории последователя Канта. Такие работы Эдуарда Генке

¹⁴¹ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. – С. 460.

¹⁴² Там же. – С. 460.

были посвящены вопросам истории общего права в Германии (1806, 1809)¹⁴³, состоянию уголовного права (1810)¹⁴⁴, проблемам согласования (примирения) отдельных уголовно-правовых теорий, господствовавших в юридической науке (1811)¹⁴⁵, назначения наказания (1815)¹⁴⁶, проблемам кодификации уголовного законодательства (1811)¹⁴⁷, обзору уголовного законодательства зарубежных государств (1813)¹⁴⁸.

Выводы.

1. Формирование исторического направления в понимании уголовного права представителями этой науки в Харьковском университете имело ряд особенностей, основными среди которых являются такие:

а) предпосылками формирования научных знаний в этом направлении является то, что осуществлялось такое формирование на основе учений классической немецкой философии первой половины XVIII – начала XIX веков, а также английских и французских просветителей XVIII века;

б) обстоятельствами, повлиявшими на формирование исторического понимания уголовного права под воздействием именно представителей классической немецкой философии, английских и французских просветителей указанного периода являются, на мой взгляд, такие:

– формирование понимания уголовного права в историческом направлении у С. Е. Десницкого на основе восприятия своеобразного «объединения» воззрений российских (А. Я. Поленов, К. Г. Лангер) и зарубежных (шотландских) ученых (А. Смит, Дж. Миллар);

¹⁴³ [Henke E.] Grundrisse einer Geschichte des gemeinen peinlichen Rechts in Deutschland. – Thl. 2. – Landshut, 1809. – S. 362 fg.; [Henke E.] De vera crim. laesae majestatis sec. leges positivas indole atque poena. – 1806.

¹⁴⁴ [Henke E.] Ueber den gegenwärtigen Zustand der Kriminalrechtswissenschaft. – Landshut, 1810; [Henke E.] Kriminalistische Versuche. – Band 1. – Berlin, 1807; [Henke E.] Bemerkungen über einige der wichtigsten Gegenstände der Strafrechtswissenschaft // Neues Archiv des Criminalrechts. – Band 5. – 1822. – S. 240–282.

¹⁴⁵ [Henke E.] Ueber den Streit der Strafrechtstheorien, ein Versuch zu ihrer Versöhnung; nebst einer literarischen Beilage. – Regensburg : Montag & Weiss, 1811.

¹⁴⁶ [Henke E.] Lehrbuch der Strafrechtswissenschaft. – Zürich, 1815.

¹⁴⁷ [Henke E.] Giest des allgemeinen Gesetzbuchs über Verbrechen für Baiern. – 1811.

¹⁴⁸ [Henke E.] Beiträge zur Criminalgesetzgebung in einer vergleichenden / Uebersicht der neuesten Strafgesetzbücher. – Regensburg, 1813.

– использование сформированных С. Е. Десницким основ понимания права в историческом направлении в учебном процессе в Московском университете вместо «устоявшихся» в то время концептуальных идей Самуэля фон Пуффендорфа и Христиана фон Вольфа. Отстаивая идеи правопонимания в этом направлении, С. Е. Десницкий критиковал последователей естественного права. При этом вопросы уголовного права в работах С. Е. Десницкого рассматривались крайне поверхностно и сводились, главным образом, к пониманию общих «составляющих» в общефилософском смысле;

– формирование у И. Н. Даниловича исторического понимания уголовного права на основе восприятия опубликованных идей немецкого криминалиста Эдуарда Генке; такое «восприятие» было лишено «личного общения» двух представителей правовой науки как учителя и его последователя и происходило исключительно на основе публикаций Эдуарда Генке, с которыми был знаком И. Н. Данилович.

2.2. Влияние идей Н. Н. Сандунова как представителя юридического позитивизма на понимание уголовного права

На смену историческому направлению в правопонимании пришло направление юридического позитивизма. У преподавателей уголовного права в Харьковском университете предпосылки формирования юридического позитивизма связывались с деятельностью Н. Т. Спасского и А. К. Бабичева, которые выступали последователями учений ординарного профессора Московского университета Н. Н. Сандунова. Отнюдь не лишним здесь следует отметить то, что говорить в данном случае здесь можно о влиянии идей Н. Н. Сандунова на формирование правопонимания Н. Т. Спасского и А. К. Бабичева только в связи с преподаванием этими учеными курса уголовного права, а не других юридических дисциплин. Например, как уже указывалось, А. К. Бабичев при преподавании курса «Российского Публичного Права» придерживался «изданной г. Васильевым книги: Нов[ое] Руков[одство] к

позн[анию] Рос[сийских] Законов», а при преподавании «Российского Практического Судопроизводства» – «изданных в Москве 1832 г. Г. М-м Оснований Рос[сийского] Судопроизводства»¹⁴⁹.

Николай Николаевич Сандунов (1769–1832) «происходил из благородной грузинской фамилии ... и десятилетним мальчиком, благодаря ходатайству А. А. Антонского-Прокоповича, был записан в Дворянскую гимназию при Московском университете (13-го июля 1779 г.). Окончив в ней курс 17-го декабря 1784 г. С[андунов] был произведен в студенты и поступил в университет, где слушал юридические и словесные науки, а за успехи получил золотую медаль»¹⁵⁰.

Впоследствии, посвятив себя юридическим наукам, Н. Н. Сандунов продолжал серьезно заниматься изучением российской истории и словесности. Подтверждением этому может служить избрание его в марте 1811 г. членом «Общества Истории и древностей Российских»¹⁵¹, а в июне того же года – «Действительным Членом Московского Общества Любителей Российской Словесности»¹⁵².

Еще при жизни Н. Н. Сандунов слыл выдающимся знатоком русского законодательства и в то же время человеком неподкупным и независимым по характеру¹⁵³. Так, П. И. Голенищев-Кутузов в письме графу А. К. Разумовскому называет «обер-секретаря, статского советника Сандунова ... человеком предостойным и отчасти Вашему сиятельству известный его

¹⁴⁹ О курсах учения в университетах и Главном Педагогическом институте, с означением Преподавателей каждого предмета и методы их преподавания. – (Извлечено из отчетов за 1832–33 Академический год). – С. 246.

¹⁵⁰ Модзалевский Б. Сандунов, Николай Николаевич // Русский биографический словарь. – Сабанеев – Смыслов [Том 18]. – Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова. – С.-Петербург : Типография В. Демакова, 1904. – С. 189.

¹⁵¹ Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1811]. – № XXX. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1811 года. – С. 81.

¹⁵² См.: Список Действительным Членам Московского Общества Любителей Российской Словесности // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1811]. – № XXXI. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1811 года. – С. 174.

¹⁵³ История юридического факультета Московского университета (1755–2010). 2-е изд., перераб. и доп. – С. 68.

бескорыстием», который «юриспруденцию так знает, как мало есть людей знающих»¹⁵⁴.

Окончив обучение в университете в 1787 г., Н. Н. Сандунов некоторое время работает преподавателем синтаксиса в одной из московских гимназий. Затем начинается его чиновничья служба, сначала с должности секретаря при кураторе Московского университета Михаиле Матвеевиче Хераскове (1733–1807), а в 1791 г. – в канцелярии «возвращенных от Польши губерний и областей». С 1796 г. он служит «в звании сочинителя» в «Канцелярии Комиссии о составлении законов» генерал-прокурора А. Б. Куракина, а в 1798 г. получает назначение на должность обер-секретаря VI-го департамента Сената¹⁵⁵, занимавшегося рассмотрением судебных дел и располагавшегося в Москве¹⁵⁶. «На этой должности С[андунов] отличался большой деятельностью, умением и заслужил известность опытного дельца. Но в конце концов его прямодушная натура не могла больше видеть всех неправд, допускавшихся его сослуживцами по Сенату, и С[андунов] по расстроенному здоровью 26-го февраля 1811 г. вышел в отставку»¹⁵⁷.

Однако, выход в отставку не помешал Н. Н. Сандунову заняться преподавательской деятельностью в Московском университете. Причем в официальных сведениях о назначении его в Московский университет указание на выход в отставку из VI-го департамента Правительствующего Сената вообще отсутствует. В то же время указывается, что в апреле 1811 г. «по представлению Попечителя Московского Университета находившийся в 6 Департаменте Правительствующего Сената Обер-Секретарем Статский Советник Сандунов

¹⁵⁴ История юридического факультета Московского университета (1755–2010). 2-е изд., перераб. и доп. – С. 68. В справочной литературе указывается, что попечитель Московского учебного округа П. И. Голенищев-Кутузов давал графу А. К. Разумовскому о Н. Н. Сандунове «... самый лучший отзыв, как о лице, наиболее подходящем к званию профессора и весьма сведущем в законоведении и судопроизводстве» (Модзалевский Б. Сандунов, Николай Николаевич // Русский биографический словарь. – С. 189).

¹⁵⁵ Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1811]. – № XXX. – С. 84.

¹⁵⁶ «I департамент ведал дела государственные и политические, II – судебные, III – Малороссии, Лифляндии, Эстляндии, Выборгской губ., Нарвы, IV – дела военные и морские. Из московских департаментов V-й ведал дела административные, VI – судебные. Все департаменты были признаны в равной силе и достоинстве» (Правительствующий Сенат. – С.-Петербург : Типо-литография С.-Петербургской Одиной Тюрмы, 1912. – С. I–XX, 1–172. – С. I, II).

¹⁵⁷ Модзалевский Б. Сандунов, Николай Николаевич // Русский биографический словарь. – С. 189.

утвержден в сей Университет Ординарным Профессором Прав Гражданского и Уголовного Судопроизводства в Российской Империи, с препоручением ему в Университет должности Синдика»¹⁵⁸.

Многолетняя практическая деятельность Н. Н. Сандунова повлияла на его представления об уголовном праве как о практической дисциплине во время научной и преподавательской деятельности в Московском университете. Заняв в Московском университете должность ординарного профессора на кафедре прав гражданского и уголовного судопроизводства в Российской империи в 1811 г., Н. Н. Сандунов продолжил направление своего предшественника Захара Аникеевича Горюшкина (1748–1821), отстаивавшего в науке уголовного права «область деятельного (практического) законоискусства», прежде всего, «при посредстве исследования функций отдельных учреждений»¹⁵⁹. Однако, сводить правопонимание З. А. Горюшкина и Н. Н. Сандунова, как последователя его идей, к обыкновенному «... случайному знакомству с существующими законами, в наружном искусстве прилагать их к встречающимся случаям и в наблюдении судебных форм и обрядов делопроизводства»¹⁶⁰ все-таки нельзя. Как правильно отмечал в свое время воспитанник М. М. Сперанского (по Второму отделению Собственной Его императорского Величества канцелярии) А. А. Благовещенский, «Горюшкин, воспринявший учение в духе Десницкого, со всею силою возставал против предпочтительного занятия иностранными системами, собственным опытом доказывал суету одного практического изучения Юриспруденции и необходимость в теоретическом образовании, оплодотворяемой глубоким изучением Истории и Древностей нашего Отечества, и сделал опыт полной системы Российского теоретического и практического Законоискусства»¹⁶¹.

¹⁵⁸ Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1811]. – № XXX. – С. 84.

¹⁵⁹ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. – С. 263.

¹⁶⁰ Благовещенский А. История – метод науки законоведения в XVIII веке // Журнал Министерства народного просвещения. – [1835]. Часть шестая. – С. 428.

¹⁶¹ Благовещенский А. История – метод науки законоведения в XVIII веке // Журнал Министерства народного просвещения. – [1835]. Часть седьмая. – С. 47.

И хотя во время учебы в Московском университете лекции З. А. Горюшкина Н. Н. Сандунов не слушал (поскольку учился до того времени, когда основатель практического направления начал обучать ему студентов университета в 1786 г.), он остался верен идеям своего предшественника на кафедре: «30-го апреля 1811-го же года С[андунов], с званием ординарного профессора, занял место З. А. Горюшкина по кафедре гражданского и уголовного судопроизводства Российской империи, причем на него была возложена должность университетского синдика. Одновременно с чтением лекций С[андунов] был инспектором казенных студентов. В июне 1813 г., «по определению бывшего начальства», Н. Н. [Сандунов] был командирован для исследования беспорядков, происшедших в имении, приписанном к Демидовскому училищу высших наук. В 1814, 1815, 1819 и 1828 годах он, по избранию профессоров, состоял деканом отделения нравственно-политических наук, два раза избирался бессменным заседателем правления университета и членом училищного комитета, а в августе 1829 г., за отсутствием ректора, исправлял должность проректора»¹⁶².

Сведения о деканстве Н. Н. Сандунова и занятии им должности ординарного профессора в отделении нравственных и политических наук содержатся также в издании «Периодическое сочинение о успехах народного просвещения». Так, в этом издании за 1815 г. указывается: «Избранные Советом Московского Университета в Деканы на следующий Академический год: ... в Отделение Нравственно-Политических Наук Ординарный Профессор Статский Советник Сандунов»¹⁶³. В другом случае указывается, что в 1916-м году Н. Н. Сандунов был очередной раз избран на должность ординарного профессора¹⁶⁴, а также «... По представлению Попечителя Московского Универ-

¹⁶² Модзалевский Б. Сандунов, Николай Николаевич // Русский биографический словарь. – С. 189.

¹⁶³ Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1815]. – № XL. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1815 года. – С. 103-104.

¹⁶⁴ См.: Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1817]. – № XLIII. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1817 года. – С. 235.

ситета, утвержде[н] Господином Министром Народного Просвещения ... Декан[ом] Отделени[я] ... Этико-Политических Наук»¹⁶⁵.

Характер преподавательской деятельности Н. Н. Сандунова довольно детально описывал Б. Л. Модзалевский: «В университете С[андунов] пользовался почти безграничною любовью студентов и привлекал к себе слушателей своим живым, практическим способом преподавания и своим прямым, иногда, впрочем, несколько резким, характером. Его лекции были всегда оживлены и кипели деятельностью; они представляли собою заседание, ведущееся под руководством самого профессора. Здесь читались новые узаконения, давались их объяснения, а затем обыкновенно переходили к чтению производства тяжёбных и уголовных дел, заимствованных из прежней, сенатской практики С[андунова]. Для достижения наибольшей наглядности, из среды учащихся юристов образовывались присутственные места в полном их составе; при этом должности распределялись сообразно знаниям студентов. Такой способ преподавания, не подвигая науку в разрешении теоретических вопросов, приготавливал из студентов знающих судей, секретарей и стряпчих-практиков, ко времени выхода из университета уже достаточно сведущих в ведении всяких судебных дел. Кроме того, С[андунов] допускал студентов к себе на дом для участия в разрешении различных вопросов, с которыми обращались к нему и частные лица ... Изучению практического способа ведения судопроизводства способствовала также библиотека С[андунова] и его архив, состоявший преимущественно из рукописных дел, грамот и т. под., и поступивший потом в собрание М. П. Погодина»¹⁶⁶.

«Практическое законоискусство» Н. Н. Сандунов воспринимал лишь как одну из частей права, назначением которой является обеспечение «работы» системы органов государственной власти в рамках делопроизводства отдельного из таких органов «для усмотрения занятий по делам в нем произво-

¹⁶⁵ Там же. – С. 236.

¹⁶⁶ Модзалевский Б. Сандунов, Николай Николаевич // Русский биографический словарь. – С. 189, 190.

димым»¹⁶⁷. Причем уголовное право у него ассоциировалось с процессуальными особенностями «производимых дел», связанных с уголовным судопроизводством (или, как тогда говорили, процессуальным уголовным правом). «Если уголовное производство, долженствующее по законам получить утверждение свое от чиновника к сему уполномоченного, будет рассматриваемо человеком к делам неприготовленным, в них неопытным, в законах не сведущим, приговор уголовный делается не возмездием виноватому законами определенным, но истязательною казнию для невинного страдальца»¹⁶⁸, – писал Н. Н. Сандунов.

Содержание других частей права связывалось Н. Н. Сандуновым с его субъектами в лице «частных граждан» и граждан-государственных служащих. Для этого он проводил иллюстрации особенностей правоотношений между такими гражданами и государством в лице соответствующих органов власти того времени. Такие правоотношения, по сути, влияли на уровень «приспособления» гражданами своих юридических знаний для потребностей органов государственной власти.

Не смотря на имеющиеся в литературе сведения о том, что еще при жизни Н. Н. Сандунов «пользовался именем выдающегося практического юриста», его современники отзывались о его преподавательских способностях весьма критически. Слушавший Н. Н. Сандунова на протяжении двух лет учебы в Московском университете (1813–1815) Д. Н. Свербеев вспоминал: «Сам профессор не имел никакого научного образования и, вероятно, вследствие крайнего незнания науки права вообще отвергал самую науку и при всяком удобном случае выражал в ней свое презрение. Он был человек необыкновенной остроты ума, резкий, энергичный, не подчиняющийся никаким приличиям (впрочем, до известной черты осторожного благоразумия),

¹⁶⁷ [Сандунов Н.] Слово о необходимости знать законы гражданские и о способе учить и учиться Российскому законоведению ... июля 6 дня 1820 г. // Речи, отчет и стихи, произнесенные в торжественном собрании Императорского Московского Университета 6 июля 1820 г. – Москва: Университетская типография, 1820. – С. 1–28. – С. 19.

¹⁶⁸ Там же. – С. 12.

бесцеремонный и иногда бранчливый со студентами, которые, однако, все его любили и уважали. Сам он не читал нам ничего, и порядок его лекций весь заключался в следующем: для слушателей своих он составил возможно правильно систему из громадного количества всех российских законов, начиная от Уложения царя Алексея Михайловича, бывшего тогда главным их основанием, и той массы уставов, наказов, инструкций и общих сепаратных указов, разбросанных всюду и нигде в одно целое не собранных»¹⁶⁹.

Неизвестно, разделял ли взгляды Д. Н. Свербеева командированный в 1824 г. в Московский университет из Харькова Н. Т. Спасский, занимавшийся под руководством Н. Н. Сандунова на протяжении почти двух лет, но идеи последнего он воспринял как последователь самого лучшего и удобнейшего метода «... преподавания Российского практического правоведения, принятого г-м профессором Сандуновым»¹⁷⁰.

Выводы.

1. Формирование направления юридического позитивизма в понимании уголовного права в Харьковском университете на первом этапе развития этой науки связывалось с именами Н. Т. Спасского и А. К. Бабичева. Оба ученых были последователями воззрений ординарного профессора Московского университета Н. Н. Сандунова (первый – как «слушатель», обучавшийся непосредственно у Н. Н. Сандунова в Московском университете, а А. К. Бабичев – как последователь идей, не проходивший обучения у этого ученого в указанном учебном заведении).

2. В основе взглядов Н. Н. Сандунова находилось так называемое «практическое законоискусство» (по Г. С. Фельдштейну), сущность которого связывалась с потребностью обеспечения деятельности правоприменительных органов (относительно уголовного права речь шла, прежде всего, о процессуальных аспектах правоприменения).

¹⁶⁹ Записки Дмитрия Ивановича Свербеева. 1799–1826. Том 1. – Москва : Типо-литография Товар. И. Н. Кушнерев и Ко, 1899. – 523 с. – С. 98.

¹⁷⁰ См. об этом: Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. – С. 272, 273.

3. Формирование таких идей у Н. Н. Сандунова и его преемников в науке уголовного права осуществлялось под воздействием потребностей практики. Иными словами, Н. Н. Сандунов, как представитель юридического позитивизма, руководствуясь практическими соображениями в своей правоприменительной деятельности, сам был «вынужден» формулировать идеи этого направления правопонимания.

4. Восприняв основные идеи Н. Н. Сандунова, связанные с юридическим позитивизмом, Н. Т. Спасский и А. К. Бабичев развивали их, в первую очередь, при преподавании уголовно-правовых дисциплин (что касается А. К. Бабичева, то он в Харьковском университете преподавал также курсы российского публичного права, уголовного и гражданского судопроизводства; развитие последних в зависимости от направления юридического позитивизма, которого придерживался А. К. Бабичев, достоверно неизвестно и требует самостоятельного исследования, выходящего за пределы настоящей работы).

2.3. Формирование естественно-правовых основ понимания уголовного права

Усилия В. Ф. Титарева и К. П. Пауловича, как сторонников естественно-правовых основ понимания уголовного права первой четверти XIX в., требовали особенного внимания к природе человека и обязательного согласования с существующей в то время реакцией государственной власти. Разработке действующего уголовного законодательства представители этой теории отводили второстепенное значение, усматривая в толковании и систематике положительного права технику, ремесло, от которого принципиально отличается подлинная наука права, занятая выработкой философской естественно-правовой системы¹⁷¹.

В работах В. Ф. Титарева и К. П. Пауловича усматривались зачатки естественно-правовых идей выдающегося представителя эпохи Просвещения

¹⁷¹ Жоль К. К. Философия и социология права : учеб. пособие для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – С. 233.

Чезаре Беккариа (*Beccaria Cesare*, 1738–1794). Однако каждый из них вносил и свою специфику в понимание естественно-правовых основ уголовного права (прежде всего, на лекциях по «общему уголовному праву» и «российскому уголовному праву») ¹⁷². Если верить Г. С. Фельдштейну, В. Ф. Титарев придерживался взглядов Ш.-Л. Монтескье и развивал идеи либерализма Иеремии Бентама (*Jeremy Bentham*, 1748–1832), а К. П. Паулович уголовное право рассматривал под влиянием французских философов-просветителей XIX в. – Вольтера (*Voltaire*, 1694–1778) и Дени Дидро (*Denis Diderot*, 1713–1784). В то же время, по сведениям Г. С. Фельдштейна, К. П. Паулович был приверженцем так называемой договорной теории происхождения государства и права, отстаиваемой в свое время Г. Гроцием, Т. Гоббсом, Дж. Локком, Б. Спинозой, Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро и др. ¹⁷³

Однако, справочные источники периода работы К. П. Пауловича в Харьковском университете, содержат сведения несколько иного характера. Так, в опубликованном в «Журнале Министерства народного просвещения» отчете «О курсах учения в университетах и Главном Педагогическом институте, с означением Преподавателей каждого предмета и методы их преподавания» за 1832-1833 академический (учебный) год указывается, что преподавая в Харьковском университете по своим собственным запискам (конспектам) курсы римского права и истории римского права, он руководствовался работами «Гейнекция и Вальдека», а также «Нибура, Гуго и Савиньи» ¹⁷⁴ (в последнем случае конспекты К. П. Пауловича по истории римского права, составленные на основе трудов указанных ученых, использовал при чтении лекций в этом же

¹⁷² Загурский Л. Н. Опыт истории юридического факультета императорского Харьковского Университета. – Второе дополнение. – Харьков : Типография Адольфа Дарре, 1907. – С. 1–16. – С. 9, 11; Загурский Л. Н. Обзорение предметов преподавания и распределения лекций на юридич[еском] фак[ультете] Харьк[овского] Унив[ерситета] в период 1804–1835 г. // Записки Императорского Харьковского университета. – 1906. – Книга 3-я и 4-я [Летопись Харьковского Университета]. – Харьков : Типография и Литография М. Зильберберг и С-вья, 1907. – С. 1–16. – С. 9, 11.

¹⁷³ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. – С. 373, 374.

¹⁷⁴ О курсах учения в университетах и Главном Педагогическом институте, с означением Преподавателей каждого предмета и методы их преподавания. – (Извлечено из отчетов за 1832–33 Академический год). – С. 244.

университете его ученик – А. Криворотов)¹⁷⁵. О том, что на своих лекциях К. П. Паулович руководствовался трудами Гейнекия и Вальдека указывается также в других источниках¹⁷⁶. Поэтому заявлять о том, что в своей преподавательской деятельности К. П. Паулович отказался от идей родоначальника «исторической школы права» Густава фон Гуго (1764–1844), который «... благодаря своим учебникам по римскому праву, пользовался в Германии большою известностью и ... с 1805 г. сделан был членом русской комиссии составления законов и вследствие этого был несколько знаком с ходом русской кодификации того времени»¹⁷⁷, очевидно, неправильно.

Вероятней всего, К. П. Паулович перенял у Гуго в изучении законовения именно «намерение переменить существовавшую сбивчивую и непостоянную, коей доселе последовали в изучении законов, и ввести вместо ея новую, гораздо яснейшую и утвержденную на прочных основаниях Филологии, Истории и здоровой Философии»¹⁷⁸. Благодаря этому Гуго «обнял все главные роды законов», а именно: гражданские и государственные, к которым он относил в частности: «собственно Государственные Законы», законы церковные, военные и народные, гражданское судопроизводство, уголовные законы и судопроизводство, камеральные или, иными словами, финансовые законы, а также законы полицейские. «Каждую из сих отраслей законов он отделил и образовал в особую и самостоятельную Науку, не теряя впрочем из вида органической связи между ими в целом составе Науки Законовения. Дабы объяснить существо сей науки и установить точные пределы и непоколебимые направления, Гуго начертал Юридическую Энциклопедию ..., в ко-

¹⁷⁵ О курсах учения в университетах и Главном Педагогическом институте, с означением Преподавателей каждого предмета и методы их преподавания. – (Извлечено из отчетов за 1832-33 Академический год). – С. 244; О публичных курсах в университетах на 1834–35 академический год // Журнал Министерства народного просвещения. – [1835]. Часть пятая. – [№ III. Март]. – [Отдел 3]. – Санктпетербург : В типографии Императорской Академии Наук, 1835. – С. 502.

¹⁷⁶ Загурский Л. Н. Опыт истории юридического факультета императорского Харьковского Университета. – Второе дополнение. – С. 12; Загурский Л. Н. Обзорение предметов преподавания и распределения лекций на юридич[еском] фак[ультете] Харьк[овского] Унив[ерситета] в период 1804–1835 г. – С. 12.

¹⁷⁷ Тарасов Е. Учебные годы Н. И. Тургенева в Геттингене. – С. 149.

¹⁷⁸ Благовещенский А. История – метод науки законовения в XVIII веке // Журнал Министерства народного просвещения. – [1835]. Часть шестая. – С. 388, 389.

торой изложил общее учение о законах и Законоведении, раскрыл направления оно по методе Лейбница, и представил превосходный опыт приложения сих исправлений к главным родам законов, соделавшийся впоследствии образцом преподавания и обрабатывания Науки»¹⁷⁹.

Поэтому, положив в основу своих лекций по римскому праву учения Гуго относительно структуры науки законоведения, К. П. Паулович неизбежно вынужден был на своих занятиях преподавать эту дисциплину так, как это было общепринято в то время в немецких университетах, а именно «тройким образом: исторически, толковательно и догматически»¹⁸⁰.

В то же время исследовательская работа Титарева и Пауловича в области уголовного права связывалась в литературе с их реакцией на положения российского уголовного законодательства того времени, прежде всего, его суровость, несоразмерность тяжести совершенного преступления и суровости предусмотренного наказания, отсутствие руководящих принципов. Как результат, отстаивалась необходимость реформирования уголовного права «в духе поставления на первом месте личности, требующей бережного отношения к ней государства в его стремлении преодолеть преступность»¹⁸¹.

Выводы.

1. Основу естественно-правового направления в уголовном праве, развиваемого В. Ф. Титаревым и К. П. Пауловичем, заложило изучение философско-политических и этико-правовых трудов таких представителей эпохи просвещения, как Ч. Беккариа, Ш.-Л. Монтескье, И. Бентам, Вольтер, Д. Дидро, Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Спиноза, Ж.-Ж. Руссо и др.

2. В. Ф. Титарев и К. П. Паулович стали теми учеными, чья научная деятельность в области уголовного права осуществлялась в период господ-

¹⁷⁹ Благовещенский А. История – метод науки законоведения в XVIII веке // Журнал Министерства народного просвещения. – [1835]. Часть шестая. – С. 392, 393.

¹⁸⁰ Благовещенский А. История – метод науки законоведения в XVIII веке // Журнал Министерства народного просвещения. – [1835]. Часть шестая. – С. 403. «История объемлет весь состав Римских Законов до Юстиниана и занимает особую кафедру ... Толкование ограничивается только некоторыми частями Римских до-Юстиниановых и Юстиниановых Законов ... Догматические уроки разделяются на два рода: на Институты ... и Пандекты ... и ограничиваются только Гражданскими Законами» (там же. – С. 403, 404).

¹⁸¹ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. – С. 373, 380.

ства естественно-правовых «представлений о человечестве как о некотором организме, который развивается по известным общим законам»¹⁸². Такие идеи являлись своеобразной «реакцией» на положения российского уголовного законодательства, наличие которой требовало проведения соответствующих реформ.

Раздел 3. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУКИ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ИМПЕРАТОРСКОМ ХАРЬКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ (1804–1834)

1. На протяжении 1804–1834 гг. представители уголовно-правовой науки в Харьковском университете старались отстаивать в своих исследованиях и на занятиях собственный взгляд понимания уголовного права, его социальной сущности и назначения, функций, «компонентов», связей с правоприменительной практикой и т. д. или, по крайней мере, представить основные позиции по этим вопросам, опубликованные другими исследователями. Сложно сказать, пребывали ли такие взгляды в некоем «состоянии конкуренции» в указанный период, но бесспорным остается одно – единственно правильного и обоснованного подхода (на концептуальном уровне) на понимание уголовного права представителям этой науки в Харьковском университете выработать не удалось. Вряд ли можно говорить и о том, что такие ученые преследовали цель согласовать свои взгляды с позициями их предшественников в науке уголовного права в Харьковском университете или выработать единственно правильный подход к пониманию уголовного права, его назначения, функций и пр.

2. В период 1804–1834 гг. в Харьковском университете сформировалось несколько основных направлений понимания уголовного права, каждое из которых повлияло на последующее развитие уголовно-правовой науки в

¹⁸² Жоль К. К. Философия и социология права : учеб. пособие для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – С. 256.

этом учебном заведении. Причем каждое из сформированных на протяжении 1804–1834 гг. направлений разрабатывалось в последующие этапы развития уголовно-правовой науки в Харьковском университете.

Все указанные направления соответствовали узкому и широкому подходам в понимании права вообще.

В зависимости от **узкого понимания** права основные направления в уголовном праве у представителей этой науки в Харьковском университете периода 1804–1834 гг. можно определить как:

а) *юридический позитивизм*, представленный Н. Т. Спасским и А. К. Бабичевым, которые в своих трудах ориентировались на наработки профессора Московского университета Н. Н. Сандунова. Его содержание выражает также встречающееся в литературе понятие «практическое направление (течение)» в уголовном праве;

б) *историческое направление*, разрабатываемое И. Ф. Тимковским, Г. П. Успенским и К. Ф. Михайловским на основе подходов А. Я. Поленова и С. Е. Десницкого, представлявшими соответственно Академию наук в Петербурге и Московский университет, а также И. Н. Даниловичем, проводившим уголовно-правовые исследования в соответствии с концепциями немецкого криминалиста Эдуарда Генке. Употребляемое в литературе (Г. С. Фельдштейн) для характеристики подходов понимания уголовного права понятие «историко-догматическое направление» (его последователями называются И. Ф. Тимковский, Г. П. Успенский и К. Ф. Михайловский) и понятие «историко-философское направление» (представленное И. Н. Даниловичем, которого иногда также называют сторонником историко-сравнительного направления) соответствуют содержанию (его части) исторического направления или исторической школы в уголовном праве.

Исходя из **широкого подхода** к пониманию права, уголовно-правовая наука в Харьковском университете периода 1804–1834 гг. была представлена

лишь одним направлением – *естественно-правовым*. Его содержание было отражено во взглядах В. Ф. Титарева и К. П. Пауловича.

3. Понимание уголовного права формировалось у указанных представителей уголовно-правовой науки в Харьковском университете на основе:

а) их обучения под непосредственным руководством российских ученых, получивших образование в западноевропейских учебных заведениях (например, И. Ф. Тимковский, обучаясь в Московском университете, овладевал юридическими науками у выпускника университета Глазго и ученика Джона Миллара – С. Е. Десницкого);

б) взглядов российских ученых, обучавшихся и/или работавших в западноевропейских учебных заведениях и преподававших впоследствии в российских учебных заведениях (так, именно понимание уголовного права, выработанное выпускником университетов Страсбурга и Геттингена А. Я. Поленовым, стало основой последующих исследований И. Ф. Тимковского, Г. П. Успенского и К. П. Михайловского);

в) подходов западноевропейских ученых, которые никогда не работали в российских учебных заведениях (например, учения немецкого криминалиста Эдуарда Генке стали основой для понимания И. Н. Даниловичем уголовного права в историческом направлении, а подходы сторонников естественного права в Западной Европе повлияли на формирование идей В. Ф. Титарева и К. П. Пауловича);

г) взглядов российских ученых, которые никогда не обучались в зарубежных учебных заведениях юридическим наукам (таким ученым был профессор Московского университета Н. Н. Сандунов, последователями идей которого были Н. Т. Спасский и А. К. Бабичев; причем Н. Т. Спасский занимался под непосредственным руководством Н. Н. Сандунова в Московском университете).

4. Формирование собственного понимания уголовного права у представителей этой науки в Харьковском университете в указанный период оказало

прямое влияние на основе научной школы, существенными признаками которого (основания) следует считать по крайней мере:

а) получение юридического образования и изучение отдельных дисциплин, связанных с уголовным правом, с учетом раскрытых в п. 3 выводов; причем такое образование оказалось способным сформировать у указанных ученых в процессе обучения собственное понимание как права вообще, так и уголовного права в частности в узком или широком смысле (см. п. 2);

б) осуществление уголовно-правовых исследований в зависимости от узкого и широкого понимания права, представленного соответственно в направлении юридического позитивизма, историческом и естественно-правовом направлениях;

в) преемственность научных взглядов в указанных направлениях у представителей уголовно-правовой науки в Харьковском университете на протяжении 1804–1834 гг. (например, достоверно известно, что последователем И. Ф. Тимковского на кафедре прав гражданского и уголовного судопроизводства в Российской империи Харьковского университета стал Г. П. Успенский, развивавший историческое направление в понимании уголовного права; в то же время учеником И. Н. Даниловича, воспринявшим его историческое понимание уголовного права, был Г. С. Гордеенко).

5. Для иллюстрации особенностей формирования и развития указанных направлений понимания уголовного права в Харьковском университете на первом этапе (1804–1834) их следует сравнить с направлениями, которые также формировались и развивались представителями этой науки в Университете Святого Владимира и в Новороссийском университете на первых этапах их становления (в первые десятилетия).

Сравнение это касается формирования и развития направлений право-понимания только в этих университетах прежде всего потому, что все они с момента их открытия и до начала XX в. определяли состояние науки уголовного права на украинских землях, входивших в состав Российской империи,

имели статус императорских и самостоятельные кафедры, на которых преподавались уголовно-правовые дисциплины. Это поможет не только конкретизировать особенности направлений, которыми была представлена наука уголовного права в университетах Харькова, Киева и Одессы на начальных этапах своего развития, но и проследить взаимосвязь трудившихся в этих учебных заведениях представителей уголовно-правовой науки.

Основание в Киеве в 1834 г. Императорского Университета Святого Владимира обусловило объединение научных усилий нескольких поколений его работников и последующих выпускников с целью проведения исследований в области уголовного права. Причем основы уголовно-правовой науки в этом новообразованном учебном заведении, также как и в первые годы работы Харьковского университета, определяли представители иных отраслей правоведения (в Киеве это были И. Н. Данилович, С. О. Богородский, В. Г. Демченко, П. Д. Колосовский), вынужденные строить свои подходы на господствовавшем в первой четверти XIX в. историческом понимании уголовного права (в меньшей мере это относится к факультативному значению сравнительно-правового метода, который указанные ученые использовали в своих трудах и на занятиях со студентами). Никто из них не был специалистом в области уголовного права, но все они в определенной мере повлияли на становление и развитие этой науки в Университете Святого Владимира. Прежде чем занять должность ординарного профессора кафедры законов полицейских и уголовных в этом учебном заведении в 1835 г. и стать первым деканом его юридического факультета, И. Н. Данилович на протяжении 1825–1830 гг. занимал должность ординарного профессора кафедры прав гражданского и уголовного судопроизводства в Российской империи и декана отделения нравственных и политических наук в Харьковском университете. В этот период И. Н. Данилович оказал влияние на формирование уголовно-правовых взглядов Г. С. Гордеенко, начавшего преподавательскую деятельность в Харьковском университете с 1834-1835 учебного года и также

придерживавшегося подходов Эдуарда Генке. Однако, говоря об особенностях правопонимания Г. С. Гордеенко, в литературе (Г. С. Фельдштейн) его называют не только последователем историко-философского направления в изучении уголовного права, унаследовавшим от своего учителя руководящие принципы Эдуарда Генке, но и сторонником «психологического обоснования уголовного права», строявшего свои взгляды «... на психологии преступника и ... на почве опытов уголовного законодательства»¹⁸³.

Этого же мнения относительно преимущества взглядов Г. С. Гордеенко от И. Н. Даниловича придерживаются современные авторы. Так, А. И. Чучаев, дублируя мнение Г. С. Фельдштейна, указывает на то, что Г. С. Гордеенко был «учеником И. Н. Даниловича, для которого уголовное право не было основным занятием ни в науке, ни в педагогике, читавшего курс уголовного права, основываясь главным образом на воззрениях Эд. Генке»¹⁸⁴. В то же время заслуживает внимания вывод А. И. Чучаева о доминировании в трудах Г. С. Гордеенко догматического учения, в то время как историческому методу познания, или историзму, в уголовном праве ученый отводит второстепенное значение¹⁸⁵. А. В. Наумов называет Г. С. Гордеенко сторонником «разрешения практических уголовно-политических задач», фактически связывая с этим определенные характеристики юридического позитивизма¹⁸⁶.

Не оспаривая общей характеристики и первоочередного значения в трудах Г. С. Гордеенко психологического направления (Г. С. Фельдштейн), дог-

¹⁸³ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. – С. 394, 395, 462.

¹⁸⁴ Чучаев А. И. Г. С. Гордеенков – представитель Харьковской школы уголовного права. – С. 92; Чучаев А. И. Проблемы в методах науки уголовного права. – С. 194. Во второй из указанных работ А. И. Чучаев пишет: «Г. С. Гордеенков выступает активным сторонником воззрений своего учителя. Его докторская диссертация в основном основывается на комбинировании философских начал и исторического опыта уголовной политики, стремящейся «по особенностям исторического момента и местным условиям осуществить идеал права» (Эд. Генке)» (Чучаев А. И. Проблемы в методах науки уголовного права. – С. 194).

¹⁸⁵ Чучаев А. И. Г. С. Гордеенков – представитель Харьковской школы уголовного права. – С. 94; Чучаев А. И. Проблемы в методах науки уголовного права. – С. 193.

¹⁸⁶ Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 736 с. – С. 167.

матического учения (А. И. Чучаев), юридического позитивизма (А. В. Наумов) и пр. и их преобладания над историческим направлением в понимании уголовного права (поскольку эта тема требует самостоятельного исследования, значительно выходящего за пределы настоящей работы), отмечу следующие важные моменты, которые имеют значение для иллюстрации смены направлений понимания уголовного права в Харьковском университете с началом научной и преподавательской деятельности Г. С. Гордеенко.

Во-первых, И. Н. Данилович оказал влияние лишь на исторический подход понимания Г. С. Гордеенко уголовного права, который со временем отошел на второй план и поступился иным направлениям (психологическому, догматическому и т.д.) в этой науке. Его влияние на формирование иных направлений понимания уголовного права у Г. С. Гордеенко не имело определяющего характера. Поэтому важно предположить, что развитие таких «иных направлений» проходило у Г. С. Гордеенко под влиянием других ученых.

Во-вторых, научная и преподавательская деятельность Г. С. Гордеенко в Харьковском университете ознаменовала начало очередного этапа в развитии науки уголовного права в этом учебном заведении. Этот этап характеризуется, в первую очередь, отказом от главенствующего значения исторического направления в понимании уголовного права и выходом на первый план направления психологического.

В-третьих, перейдя на службу в Университет Святого Владимира в Киеве, И. Н. Данилович «перенес» доминирующее значение исторического направления в понимании уголовного права на его преподавание в этом учебном заведении как самостоятельной дисциплины. Такой же доминирующий характер исторического направления сохранялся в трудах последователей И. Н. Даниловича на кафедре законов уголовных и законов благочиния Университета Святого Владимира: С. О. Богородского, В. Г. Демченко и П. Д. Колосовского. Такое положение в развитии уголовного права как науки и учебной дисциплины сохранялось в Университете Святого Владимира до

1864 г., когда должность приват-доцента на кафедре уголовного права и уголовного судоустройства и судопроизводства занял А. Ф. Кистяковский – представитель естественно-правового и социологического направлений в понимании уголовного права. Иными словами, в то время как наука уголовного права в Харьковском университете уже претерпевала изменение направлений своего понимания, «отодвигая» на второй план направление историческое и отдавая предпочтение психологическому направлению, в Университете Святого Владимира ученые-криминалисты продолжали придерживаться доминирующего характера исторического направления в уголовном праве (уже не столь актуального в 1840-х годах по сравнению с иными направлениями понимания уголовного права).

Преподавание курса уголовного права на юридическом факультете Новороссийского университета осуществлялось с 1867-1868 учебного года выпускником Московского университета, преподавателем и директором бывшего Ришельевского лицея в Одессе, коллежским советником А. М. Богдановским (сначала, как исполняющим должность экстраординарного профессора, а впоследствии – экстраординарным и ординарным профессором). С этого времени и на протяжении последующих почти пятнадцати лет А. М. Богдановский был единственным преподавателем уголовно-правовых дисциплин в этом университете. С 1880 г. их преподавание было поручено доценту по кафедре уголовного права и уголовного судоустройства и судопроизводства В. Н. Палаузову, который слушал лекции А. М. Богдановского по уголовному праву во время своей учебы сначала в Ришельевском лицее (1866–1868), а после его окончания – на юридическом факультете Новороссийского университета (1868–1872). Как приверженец исторического направления в правопонимании, А. М. Богдановский исследовал, в первую очередь, «допетровский» период развития отдельных институтов уголовного права, «когда в нем еще не тронуты чуждыми влияниями национальные начала», обосновывая предположение, «что преемственность в

развитии уголовно-правовых идей нашего права совпадает с историческим процессом их хода у других народов»¹⁸⁷.

Таким образом, отличия (в концептуальном смысле) между становлением и развитием науки уголовного права в императорских университетах Харькова, Киева и Одессы на первых этапах существования каждого из них заключаются, прежде всего, в разнообразии существовавших в этих учебных заведениях направлений понимания уголовного права. Так, если в Университете Святого Владимира и в Новороссийском университете в первые десятилетия их работы это лишь историческое направление, то в Харьковском университете на начальном этапе его становления таких направлений было несколько: 1) направление юридического позитивизма и историческое направление, существовавшие в пределах узкого понимания права, и 2) естественно-правовое направление, представлявшее широкое понимание права.

На начальных этапах становления и развития науки уголовного права в университетах Харькова, Киева и Одессы ее представители в Харьковском и Новороссийском университетах, в отличие от преподавателей уголовного права в Университете Святого Владимира, не отправлялись на стажировку (в командировки) с научной целью в западноевропейские университеты (речь идет об ординарном профессоре кафедры законов уголовных и законов благочиния С. О. Богородском, который, еще будучи воспитанником Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, для завершения своего образования обучался юридическим наукам в Берлинском университете по указанию М. М. Сперанского). Таковым нельзя считать К. П. Пауловича, поскольку он получил юридическое образование в западноевропейских учебных заведениях, после чего был приглашен для преподавательской деятельности в Харьковский университет и не направлялся руководством последнего за границу для «совершенствования в знаниях».

¹⁸⁷ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. – С. 496, 497.

Берзін П. С. Харківська школа кримінального права: загальна характеристика у 1804–1919 роках та аналіз діяльності викладачів кримінального права в Імператорському Харківському університеті впродовж 1804–1834 років (частина II)

Автор аналізує формування й основні напрями науки кримінального права в Імператорському Харківському університеті (1804–1919). Досліджуються наукова діяльність та види такої діяльності викладачів кримінально-правових дисциплін у цьому університеті. У статті також аналізується діяльність різних університетських кафедр, що мали назви: кафедра прав цивільного та кримінального судочинства в Російській імперії (1804–1835); кафедра законів поліцейських та кримінальних (1835–1863); кафедра кримінального права та кримінального судоустрою і судочинства (1863–1919).

Ключові слова: кримінальне право, наукова школа, Харківський університет, викладачі, праворозуміння.

Berzin P. S. Kharkiv school of criminal law: general description of the development in 1804–1919 and analysis the teachers work in criminal law at the Imperial Kharkov University in 1804–1834 (part II)

The author analyzes the formation of the main fields of criminal law science at the Imperial Kharkov University (1804–1919). The scientific work and the types of teachers scientific work are investigated. The article also analyzes the activities of various university departments that have names: department of civil law and criminal justice in Russian Empire (1804–1835); police and criminal law department (1835–1863); criminal law and criminal judicial system and justice department (1863–1919).

Key words: criminal law, science school, the University of Kharkov, teachers, legal thinking.